

Библейско-богословская коллекция
Богословские исследования

Дьяконов А.П.

**ТИПЫ ВЫСШЕЙ
БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ
В ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ
III–VIII ВЕКОВ**

Христианское чтение, 1913, № 4, с. 494-525;
№ 5, с. 597-629

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Типы высшей богословской школы въ древней церкви III—VI вв. *).

Въ настоящій день годовщины основанія Академіи, когда естественно обращаться мыслью къ прошлымъ судьбамъ высшей духовной школы, позвольте остановить Ваше просвѣщенное вниманіе на самыхъ первыхъ страницахъ ея исторіи,—на времени ея зарожденія и первоначальнаго расцвѣта въ древней церкви.

Согласно заповѣди Спасителя: «шедше научите» (Мѡ. 28 19), церковная школа въ широкомъ смыслѣ этого слова возникла одновременно съ проповѣдью христіанства. Но церковная школа съ высшимъ богословскимъ курсомъ появилась впервые въ самомъ концѣ II в. въ связи съ возникновеніемъ научнаго богословія, которое вызвано было къ жизни какъ внутреннею потребностью церкви въ раскрытіи и уясненіи вѣроученія, такъ и внѣшними мотивами,—мотивами борьбы съ языческой философіей и гностицизмомъ и миссіи между людьми образованнаго круга ¹⁾). Основанная впервые въ Александріи, высшая духовная школа въ теченіе слѣдующихъ четырехъ вѣковъ постепенно получила распространеніе и въ другихъ странахъ востока и запада и всюду выработала болѣе или менѣе опре-

*) Рѣчь на годичномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи 17 февраля 1913 года.

¹⁾ Школы христіанскихъ философовъ (напр. Іустина Мученика) и школы гностическія болѣе ранняго времени я оставляю въ сторонѣ во-первыхъ потому, что тамъ центръ тяжести лежалъ не въ богословіи, а въ философіи, во-вторыхъ потому, что школы христіанскихъ философовъ не стояли въ прямой связи съ церковной организаціей, а гностическія школы были прямо враждебны ей.

дѣленные формы, которыя были господствующими въ теченіе многихъ столѣтій, а отчасти сохранили свое значеніе и до настоящаго времени.

Не задаваясь цѣлью дать полную картину высшаго духовно-школьнаго образованія за указанный періодъ, — такъ какъ подобная задача не отвѣчала бы не только рамкамъ рѣчи, но и состоянію источниковъ, сообщающихъ лишь отрывочныя и не всегда ясныя указанія касательно школы, — я попытаюсь охарактеризовать на конкретныхъ примѣрахъ лишь главныя направленія въ постановкѣ высшаго духовно-школьнаго образованія того времени, другими словами — описать основныя типы высшей богословской школы древне-христіанской эпохи.

Слѣдуетъ прежде всего установить, что школа не была тогда всюду однообразной. Причина этого явленія заключалась въ большомъ разнообразіи входившихъ въ составъ церкви народностей, изъ которыхъ каждая имѣла свой особый духовный складъ, свою особую культуру и свою образовательную систему, — все это не могло не отразиться и на устройствѣ богословской школы. Церковь относилась къ національнымъ особенностямъ съ самымъ широкимъ снисхожденіемъ, руководствуясь словами св. ап. Павла: «свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себѣ поработихъ, да множайшыя приобрящу; быхъ іудеемъ яко іудей, да іудеи приобрящу, подзаконнымъ яко подзаконенъ да подзаконныя приобрящу; беззаконнымъ яко беззаконенъ — — — да приобрящу беззаконныя; всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу; сіе же творю за благовѣстіе» (I Кор. 9, 19—23) ²⁾. Въ отношеніи къ школѣ такая широкая точка зрѣнія была особенно благотворною. Ибо школа, какъ показываетъ ея исторія, съ одной стороны — является однимъ изъ самыхъ устойчивыхъ, «консервативныхъ установленій человѣческихъ обществъ» ³⁾ и плохо поддается внезапнымъ радикальнымъ преобразованіямъ; съ другой стороны, — соприкасаясь съ глубочайшими основами національнаго духа, она только въ опредѣленной исторически сложившейся формѣ

²⁾ Примѣненіе этихъ словъ къ наукѣ и школѣ см. у Климента Александрійскаго, *Stromata* I 1, *Migne Pat. gr. t. VIII, col. 705* (ср. русск. перев. Н. Н. Корсунскаго, Ярославль 1892).

³⁾ Проф. И. В. Цвѣтаевъ, Изъ жизни высшихъ школъ Римской Имперіи (Рѣчь и отчетъ Имп. Московскаго Университета 12 янв. 1902), М. 1902, стр. 142.

даетъ возможность проявиться національному творческому гению во всей его полнотѣ и силѣ. Поэтому и древне-христианскія школы,—совпадая между собою въ основной своей цѣли, каковою было наученіе христіанской вѣрѣ и жизни, — въ способахъ выполненія этой цѣли, т. е. въ учебныхъ планахъ и методахъ, въ постановкѣ воспитанія и во внѣшней организаціи, держались различныхъ національныхъ традицій. А результатъ былъ тотъ, что всѣ народы, призванные къ христіанскому вѣдѣнію, принесли на службу церкви свои національныя дарованія и культурныя навыки и такимъ образомъ способствовали, — каждый въ мѣру своихъ силъ и развитія,—самому полному выясненію и научному обоснованію христіанскаго ученія.

Національно-культурная среда, въ которой распространялось христіанство, складывалась изъ трехъ главныхъ элементовъ: греческаго, семитическаго, въ которомъ самую значительную часть составляли сирійцы, и латинскаго. Каждый изъ этихъ элементовъ отличался рѣзко очерченнымъ національнымъ характеромъ, обладалъ своею ярко выраженной и устойчивою культурою и особою образовательною традиціей. Соответственно этому и въ древне-христіанскихъ школахъ можно различить три основныя типа: греческій, сирійскій и латинскій.

I.

Основную особенность греческаго національнаго духа на высшей ступени его развитія составляло стремленіе къ знанію, которое цѣнилось само по себѣ независимо отъ его практическаго примѣненія ⁴⁾, и именно къ знанію всеобъемлющему и цѣльному (ἐπιστήμη), которое въ высшемъ своемъ синтезѣ—философіи должно было разрѣшить для эллина всѣ вопросы бытія, раскрыть предъ нимъ сущность вещей божественныхъ и человѣческихъ ⁵⁾. Этотъ интересъ не былъ только теоретическимъ. Эллинъ глубоко вѣрилъ въ воспитывающую силу знанія: оно, по его убѣжденію, должно сообщ-

⁴⁾ См. напр. Aristotelis Politica VIII 2—3 и другіе примѣры у *О. Вилльмана*. Дидактика какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образованія, перев. проф. А. И. Дружинина, т. I (М. 1904), стр. 192—193.

⁵⁾ *Вилльманъ*, цит. соч. I, стр. 195. Ср. Климента Алекс. Paedagogus II, Migne gr. VIII, с. 420; Strom. VII 12, Migne gr. IX, с. 497.

щать духу человѣка высшую красоту и нравственность, иначе говоря, ту *καλοκάγαθία*, которая въ нѣсколько болѣе грубомъ смыслѣ была идеаломъ эллина на низшей ступени его культурнаго развитія ⁶⁾). Такимъ образомъ въ понятие *ἐπιστήμη* смѣло включалась и нравственность, и истиннымъ философомъ назывался не тотъ, кто много знаетъ, но тотъ, кто обнаруживаетъ соответствующее своему знанію поведеніе ⁷⁾). Это возрѣніе не было изобрѣтеніемъ Сократовской школы, а глубоко коренилось въ народномъ характерѣ, ибо еще и Пиндаръ восклицалъ: «царица истина — начало великой добродѣтели!» ⁸⁾). Отсюда и вся система эллинскаго образованія позднѣйшаго періода была построена на двухъ главныхъ началахъ: во-первыхъ цѣнность признавалась только за общеобразовательными науками, которыя носили названіе наукъ «свободныхъ» (*ἐλευθέρων μαθημάτων*), тогда какъ профессиональныя науки имѣли презрительную кличку «наемныхъ» и «рабскихъ» (*θητικά, δουλικά*) ⁹⁾; во-вторыхъ общеобразовательныя науки, входившія въ кругъ школьнаго обученія (*ἐγκύκλια μαθημάτων*), цѣнились не сами по себѣ, а съ точки зрѣнія того высшаго синтеза, который давала имъ философія: онѣ разсматривались какъ подготовительныя ступени къ философіи и назывались «служанками» философіи ¹⁰⁾). Соответственно этому для полученія полнаго «свободнаго» образованія грекъ долженъ былъ пройти слѣдующія ступени обученія: во-первыхъ — школу

⁶⁾ *L. Grassberger*, *Erziehung und Unterricht im klassischen Alterthum*, Warzburg 1864—1881, Th. III, S. 391, 438—439. *Вильманъ*, *Дидактика*, т. I, 196—197. Ср. *Clement. Alexandr. Strom.* I, 7, *Migne t. VIII*, с. 729: „τῆς προσήκουσας παιδείας τυχόντες, ὡς ἐπίπαν καλοκαγαθίας ἤρωςαν“...

⁷⁾ *L. Grassberger*, *цит. соч.* III, 439 и др. *Вильманъ*, *цит. соч.* I, 193, 196. Cf. *Clement. Alex. Strom.* VII 12, *Migne t. IX*, с. 500; *Str.* VI, 17, col. 392: „ἡ φιλοσοφία, ἐναρέτους ποιούσα — — — τοῖς ἀρίστοις τῶν Ἑλλήνων δέδεται“.

⁸⁾ *L. Grassberger l. c.*, cf. S. 395—396. Такъ именно понимаетъ восклицаніе Пиндара и Климентъ Александрійскій. *Strom.* VI 10, *Migne t. IX*, с. 304: εἰκότως ἄρα προαναπεφώνηται καὶ τοῖς Ἑλλησιν: ἀρχὰ μεγάλας ἀρετῆς ἀναστὰ ἀλήθεια“.

⁹⁾ *Вильманъ*, *Дидактика*, I, 192.

¹⁰⁾ Интересно отмѣтить, что этотъ терминъ, получившій такое широкое примѣненіе въ средневѣковомъ ученіи о субординаціи наукъ, восходитъ къ Аристиппу Киренскому, жившему въ IV в. до Р. X. (род. 404 г.). Последній воспользовался въ данномъ случаѣ образомъ служанокъ Пенелопы (изъ *Одиссеи*), которыми довольствовался ея женихъ, получивъ отказъ отъ госпожи. *Diog. Laert.* II § 79, у *Вильмана*, *цит. соч.* I, 189.

«грамматиста», гдѣ его учили грамотѣ, во-вторыхъ — школу «грамматика», гдѣ его учили литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали элементарныя свѣдѣнія изъ всѣхъ ἐγκύκλια μαθημάτων¹¹⁾, въ-третьихъ—школу ритора, которая занимала промежуточное положеніе между среднимъ и высшимъ образованіемъ¹²⁾ и представляла аналогію средневѣковому «факультету искусствъ» (facultas artium), наконецъ въ-четвертыхъ—школу философа, въ которой кромѣ философіи снова преподавались связанныя съ нею ἐγκύκλια μαθηματα, но уже въ научной постановкѣ¹³⁾. Такимъ образомъ греческая образовательная система должна была представлять собою живой организмъ, возглавляемый философіей. Однако въ началѣ христіанской эпохи духа жизни давно уже не было въ ней вслѣдствіе глубокаго кризиса философіи: лишеныя продуктивности и творчества, философскія школы занимались комментирова­ніемъ старыхъ системъ и получили характеръ замкнутыхъ сектъ, изъ которыхъ каждая рабски держалась своего учителя¹⁴⁾; въ то же время интересъ къ философіи упалъ, и большинство грековъ довольствовались риторскою школою¹⁵⁾, которая давала лишь формальное образованіе и въ то же время носила на себѣ отпечатокъ отрицательной философіи софистовъ въ духѣ нигилизма¹⁶⁾. Таково было положеніе, когда эллинъ вступилъ въ церковь. Совершенно естественно, что онъ принялъ христіанство какъ ту высшую истину, которой онъ такъ долго искалъ и не нашелъ въ философіи. Совершенно понятно далѣе, что онъ поставилъ эту истину во главу своей образовательной системы, которая тотчасъ же стала жить новою и полною жизнью¹⁷⁾. Примѣромъ такого

¹¹⁾ G. Rauschen, Das griechisch—römische Schulwesen zur Zeit des ausgehenden Heidentums, Bonn 1901, S. 19 ff., 25 ff. Вилльманъ, цит. соч. I, 199—200, стр. 173, 184.

¹²⁾ Вилльманъ, Дидактика I, 202—203.

¹³⁾ Ibid. 201—202, 188—189. Ср. Grassberger, цит. соч. III, S. 439—440.

¹⁴⁾ П. Момро, Исторія педагогика, М. 1911, ч. I, стр. 160. Ср. св. Григорія Чудотворца „Похвальное слово“ Оригену, въ изд. Koetschau (Des Gregorios Thaumaturgos Dankrede an Origenes; als Anhang der Brief des Origenes an Gregorios Thaumaturgos, herausg. v. P. Koetschau, Freiburg i/B u. Leipzig, 1894; ср. русск. перев. проф. Н. И. Сагарды въ „Христ. Чт.“ 1911, № 11—12), сар. XIV, н. 163, S. 31.

¹⁵⁾ Rauschen, op. cit. S. 51. Ср. Grassberger цит. соч. III 448 folg.

¹⁶⁾ Ср. Ілиамента Ал. Strom. I 3, Migne VIII, с. 712—713 и друг.

¹⁷⁾ Ibid. VI 17, Migne IX, с. 380.

отношенія къ религіозной истинѣ могла служить пифагорейская школа, въ которой высшую ступень образованія составляла наука богословская—*ἱερὸς λόγος* ¹⁸⁾). Такимъ образомъ христіанская истина получила для грека значеніе того высшаго синтеза, въ которомъ должна была находить свое завершеніе вся сумма знаній, какъ общеобразовательныхъ, такъ и философскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богословская школа должна была встать на мѣсто философской и усвоить основныя особенности послѣдней, поскольку онѣ не противорѣчили христіанству. Эти особенности были слѣдующія: включеніе въ программу общеобразовательныхъ наукъ и философіи, преобладаніе синтеза и систематики въ методѣ, тѣсное соединеніе воспитательной стороны съ образовательной и нѣкоторое сходство съ философской школой во внѣшней организаціи.

Древнѣйшею богословскою школою греческаго типа было *διδασκαλεῖον τῶν ἱερῶν λόγων* или *τῶν ἱερῶν μαθημάτων* ¹⁹⁾ въ Александріи. Что греческая школа возникла впервые именно въ Александріи, это не было простой случайностью. Александрія въ началѣ христіанской эпохи была главнымъ умственнымъ центромъ греческой націи, далеко превзошедшимъ старый центръ—Аѳины ²⁰⁾. Здѣсь сосредоточивались лучшія умственныя силы Греціи въ организованномъ Лагидами, а затѣмъ процвѣтавшемъ и подъ римскимъ владычествомъ знаменитомъ александрійскомъ *μουσαίῳ* ²¹⁾. Здѣсь греческая философія обнаруживала еще нѣкоторую жизненность и подвижность вслѣдствіе

¹⁸⁾ *Вилльманъ*, Дидактика I, стр. 179. Поэтому, если христіанская школа объявила философію „служанкой богословія“, то въ этомъ нѣтъ нужды усматривать только вліяніе іудейско-эллинской философіи Филона, который впервые пустилъ въ обращеніе названный терминъ. Хотя взглядъ Филона первымъ христіанскимъ педагогамъ (особенно Клименту Ал.) былъ хорошо извѣстенъ, но основаніе для него дано было уже въ древне-греческой философіи.

¹⁹⁾ Eusebius, *Hist. eccles.* V 10, „kleine Ausgabe“ v. Ed. Schwartz (Leipzig 1908) p. 193; Sozomenus, *Hist. eccles.* III 15, *Migne* t. 67, c. 1804. Другія названія: „τὸ τῆς κατηχήσεως διδασκαλεῖον“ (Eus. VI 3, p. 223) и „ἡ τῶν πιστῶν διατριβή“ (Eus. VI 10, p. 193). Остальныя названія такъ или иначе комбинируютъ и варьируютъ основныя три имени. Объ именахъ школы см. *H. Guerike*, *De schola quae Alexandriae floruit catechetica*, pars I (Halis Saxonum 1824), p. 8—9; *F. Lehmann*, *Die Katechetenschule zu Alexandria* (Leipzig 1896), S. 68 ff.

²⁰⁾ *Молмсенъ*. Римская исторія т. V (перев. Невѣдомскаго, М. 1885), стр. 581, стр. 238 слѣд.

²¹⁾ *Ibid.* 577 слѣд.

соприкосновенія съ восточными культурами ²²⁾ и выгодно отличалась отъ замкнувшейся въ старыхъ застывшихъ формахъ Аѳинской школы ²³⁾. Естественно, что здѣсь именно христіанская Греція должна была создать свою первую богословскую школу. Какъ извѣстно, Александрійская школа возникла изъ элементарной катихизической школы, которая, по преданію, основана была св. Маркомъ ²⁴⁾, и которая, вѣроятно, очень рано включила въ свою программу вмѣстѣ съ обученіемъ вѣроученію и элементарныя свѣдѣнія изъ ἐγκύκλια μαθημάτων ²⁵⁾. Включеніе въ программу наукъ высшаго курса произошло лишь въ концѣ II в. при завѣдовавшемъ школою Пантэнѣ (181—ок. 200): по крайней мѣрѣ на него именно ссылается позднѣйшій учитель школы Оригенъ въ оправданіе своихъ занятій философій ²⁶⁾. Возможно, что при Пантэнѣ же произошло и отдѣленіе высшей школы отъ средней съ раздѣленіемъ преподавательства между двумя лицами, ибо Пантэнъ со 190 года имѣлъ помощника въ лицѣ Климента Александрійскаго ²⁷⁾. Исторически несомнѣннымъ выдѣленіе высшей богословской школы становится въ началѣ III в., когда школа, послѣ временнаго прекращенія своей дѣятельности вслѣдствіе гоненія С. Севера, вновь начала функционировать при Оригенѣ ²⁸⁾. Послѣдній, по свидѣтельству Евсевія, всѣхъ посту-

²²⁾ G. Parthey. Das alexandrinische Museum. Berlin 1838. S. 3,5 ff.

²³⁾ Grassberger, Erziehung und Unterricht im klass. Alterthum, Th. III, S. 450—451.

²⁴⁾ Hieronymus, De viris illustribus, cap. 36, ed. E. C. Richardson, „Texte u. Untersuchungen“ v. Gebhardt u. Harnack XIV 1, (Leipzig 1896), p. 26.

²⁵⁾ Eusebius V 10, ed. Schwartz p. 193: „ἐξ ἀρχαίου ἔθους διδασκαλείου τῶν ἱερῶν λόγων παρ' αὐτοῖς (т. е. у александрійцевъ) συνεστῶτος, ὃ καὶ εἰς ἡμᾶς παρατίθεται“. Ср. Eus. VI 18, S. 237—238 (приводится ниже). Самое названіе „διδασκαλείον“ у грековъ примѣнялось преимущественно къ [средней] школѣ „грамматика“. Grassberger, цит. соч. II, 204.

²⁶⁾ Euseb. VI 19, p. 240. Свидѣтельство Филиппа Сидскаго (fragm. у Guerike op. cit. 21), что „первымъ руководителемъ Александрійскаго дидакаліона (какъ высшей школы?) былъ Аѳинагоръ“, не заслуживаетъ довѣрія, во-первыхъ потому, что списокъ этого автора для древнѣйшей эпохи вообще недостоверенъ (см. Guerike p. 24: Климентъ, напр., ставится равше Пантэна), во-вторыхъ потому, что самъ Филиппъ называетъ Аѳинагора въ другомъ мѣстѣ (Guerike p. 23) „ἀκαδηματικῆς σχολῆς προϊστάμενος“, т. е. начальникомъ Платоновской философской школы а не богословской.

²⁷⁾ Nicephorus Callist., hist eccles IV 33, у Guerike p. 33, ep. 31.

²⁸⁾ Euseb. VI 3, ed. Schwartz p. 223.

пающихъ въ школу дѣлилъ на двѣ группы: «тѣхъ, кого онъ находилъ хорошо одаренными [и подготовленными] (*ὄσους εὖ φροῶς ἔχοντας ἑώρα*), онъ вводилъ въ философскія ученія, геометрію, арифметику²⁹) и другія пропедевтическія науки (разумѣется, въ научной постановкѣ), — — — — большинство же изъ болѣе простыхъ (*πολλοὺς δὲ καὶ ἰδιωτικωτέρων*) онъ направлялъ къ наукамъ энциклическимъ, говоря, что не малая имъ будетъ отъ нихъ польза для уразумѣнія божественныхъ писаній»³⁰). Дальнѣйшая судьба средней ступени неизвѣстна. Несомнѣнно только то, что со времени Пантѣна центръ тяжести переносится на высшую школу, и Евсевій вмѣстѣ съ Филиппомъ Сидскимъ даютъ намъ почти непрерывный рядъ учителей высшей школы отъ конца II до начала V в., — отъ Пантѣна до Родона³¹); послѣдній перенесъ свою учительскую дѣятель-

²⁹) Подъ этою „арифметикой“, противопологаемой предметамъ элементарнаго курса, нужно разумѣть, очевидно, не простое искусство счисления, а научную „теорію и символику чиселъ“, которая была введена впервые въ пифагорейскихъ школахъ (*Вильманъ* цит. соч. I, 186), и которая принята была и въ александрійскомъ „училищѣ“ (см. напр. *Clem. Alex. Strom.* VII 11, *Migne* IX, с 305 sqq.).

³⁰) *Euseb.* VI 18, *Schwartz* p. 237—238. Возможно, что это раздѣленіе школы тождественно съ тѣмъ, о которомъ Евсевій говоритъ въ VI 15 (p. 236). Здѣсь разсказывается, что Оригенъ, въ виду сложности своихъ занятій и множества слушателей, раздѣлилъ ихъ на двѣ части и, сдѣлавъ своимъ сотрудникомъ (*κοινωνόν τῆς καθηγήσεως*) Иракла, поручилъ ему *τὴν πρώτην τῶν ἄρτι στοιχειουμένων εισαγωγὴν*, а себѣ оставилъ *τὴν τῶν ἐν ἔξει ἀκρόασι.* Если это сопоставленіе правильно, то Иракль получилъ въ завѣдываніе среднюю школу, а Оригенъ—высшую. Это произошло около 213 г. (*Guerike* op. cit. p. 64). Что касается третьяго мѣста *Euseb.* VI 3 (p. 224), гдѣ говорится, что Оригенъ оставилъ преподаваніе (или „училище“) грамматики (*τὴν τῶν γραμματικῶν λόγων διατριβήν*), какъ „безполезное и священнымъ наукамъ противное“, то здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о той „грамматической школѣ“, которую открылъ Оригенъ непосредственно послѣ смерти своего отца, и которая не имѣла ничего общаго съ катихизической школою (*Euseb.* VI 2 fin., p. 223). Здѣсь грамматика изучалась внѣ всякой связи съ христіанскою наукою, и отрицательное отношеніе Оригена къ этому чисто свѣтскому занятію вполне понятно. Всякія другія попытки оправдать это странное въ устахъ Оригена сужденіе о грамматикѣ нельзя не признать искусственными (ср. напр. *Guerike* op. cit. p. 105).

³¹) Несомнѣнными или болѣе достовѣрными являются слѣдующія имена и даты: Пантѣнъ (ок. 181—ок. 200 г.), Климентъ пресв. (помощникъ дидакала 190—ок. 200, дидакаль ок. 200—202), Оригенъ (203—231), Иракль пресв. (пом. ок. 213—231, дид. 231—232/3), св. Діонисій (232 з.—248), — — — — Пьерій пресв. (271—282), Ахиллъ пресв. (помощникъ

ность въ Памфилийскій городъ Сиды ³²⁾, и послѣ него Александрійская школа, вѣроятно, существовала недолго ³³⁾.

Какова же была Александрійская школа по своему внутреннему и внѣшнему строю? Объ этомъ, кромѣ отрывочныхъ указаній церковныхъ историковъ, даютъ достаточное представленіе сочиненія первыхъ учителей школы Климента Александрійскаго и Оригена, традиціи которыхъ свято хранились ихъ преемниками, а также извѣстное «похвальное слово» Оригену его ученика св. Григорія Чудотворца. Последнее относится, впрочемъ, къ дѣятельности Оригена въ Кесарійской школѣ, но нѣтъ основаній предполагать, что въ Кесаріи Оригенъ держался другой программы и иныхъ методовъ, чѣмъ въ Александріи. Всѣ эти свѣдѣнія показываютъ, что въ Александріи на службу христіанской наукѣ привлечены были традиціи эллинской философской школы.

Основаніе для этого дано было въ томъ, что по самому характеру своей цѣли христіанская школа имѣла нѣкоторую аналогію въ эллинской философской традиціи. Свое первоначальное назначеніе «огласительнаго училища» Александрійская школа до извѣстной степени сохранила и послѣ своего преобразования въ высшую школу: въ числѣ слушателей ея на первыхъ ступеняхъ обученія можно было встрѣтить язычниковъ и еретиковъ, стучавшихся въ двери церкви ³⁴⁾. Но основная цѣль школы была теперь, другая: она формулируется у Климента какъ γνῶσις (иначе ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία, или τῆ ὄντι ἐπιστήμη) ³⁵⁾, т. е. основанное на Откровеніи совершеннѣйшее и цѣльное знаніе, неразрывно соединенное съ высокимъ нравственнымъ характеромъ ³⁶⁾. Это знаніе нужно не для практическаго какого-либо примѣненія: цѣннѣйшее «само по себѣ»,

Піерія), Θεογνωσία, Серапіонъ, св. Петръ Мученикъ (до 300 г.), — св. Макарій πολιτικός (ок. 330—340), Дидимъ (345—395), Родонъ (395—405). Для ревизіи списка, составляемаго различно, ср. *Guerike*, De schola Alex. p. 112; *Lehmann*, Die Katechetenschule zu Alexandria, S. 66; *H. Lecerq*, Alexandrie (archéologie), въ Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et Liturgie, par F. Cabrol, t. I, Paris 1907, c. 1175; *Harnack*, Alex. Katechetenschule, въ RE³ I, 357.

³²⁾ Philipp. Sidet. fragm. у *Guerike* op. cit. p. 98.

³³⁾ Ibid, p. 118—119. ³⁴⁾ Euseb. VI 3, *Schw.* p. 223.

³⁵⁾ Paedag. I 1, *Migne* VIII, c. 252, ep. Cohort. ad gentes cap. 11, *ibid.* c. 229; Strom. VI 11, *Migne* IX, c. 312; Strom. VI 18, *ibid.* c. 396.

³⁶⁾ Strom. VI 18, *Migne* IX, c. 396; Strom. VI 8, *Migne* IX, c. 289; Str. VI 15, *Migne* IX 333, 336 и др.

оно даетъ человѣку внутреннее совершенство и счастье какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ ³⁷⁾, ибо истинное «богопочтеніе» или «истинное христіанство» безъ γνῶσις'a невозможно ³⁸⁾. Отсюда, школа принципиально предназначается для всѣхъ безъ исключенія, и Оригенъ выражаетъ горячее желаніе, «чтобы всѣ, еслибъ то было возможно, оставивъ житейскія дѣла, шли въ школу философствовать» ³⁹⁾. Но такъ какъ большинство, въ силу ли уровня своихъ способностей ⁴⁰⁾, или въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, должны довольствоваться «общей вѣрою» (κοινὴ πίστις) ⁴¹⁾, которая представляетъ собою только «сокращенное вѣдѣніе необходимѣйшаго» и переходную ступень къ γνῶσις'у ⁴²⁾, то школа фактически назначается для тѣхъ избранныхъ (ἐξελεγμένοι εἰς γνῶσιν), которые могутъ философствовать ⁴³⁾, или которые не могутъ усвоить христіанское ученіе иначе, чѣмъ чрезъ доказательство (δι' ἀποδείξεως) ⁴⁴⁾. Къ послѣдней категоріи Климентъ причисляетъ лицъ, прошедшихъ эллинскую школу ⁴⁵⁾. Всѣ эти опредѣленія были весьма близки и понятны эллину съ его вѣрою въ цѣльное знаніе (ἐπιστήμη), съ его ἐλεύθερα μαθήματα, чуждыми практически—профессиональныхъ цѣлей. Поэтому, когда Оригенъ убѣждаетъ св. Григорія поступить въ свою школу, онъ говоритъ языкомъ древне греческаго философа: онъ осуждаетъ какъ «блуждающихъ во тьмѣ безъ разума» тѣхъ, кто избираетъ профессиональную школу (юридическую или военную), и утверждаетъ, что истинно разумную жизнь можетъ обезпечить только философія ⁴⁶⁾.—Не ставя себѣ прямо практическихъ задачъ, Александрійская школа не исключала, разумѣется, задачъ церковныхъ, поскольку онѣ прямо вытекали изъ ея основной цѣли.

³⁷⁾ Clem. Al. Strom. VI 12, *Migne IX*, 320: „τῆλεϊότατον ἀγαθόν ἡ γνῶσις, δι' αὐτὴν οὐσα αἰρετή“ и далѣе: „δεξώμεθα οὖν τὴν γνῶσιν οὐ τῶν ἀποβαιόντων ἐπιέμενοι, ἀλλ' αὐτοῦ ἕνεκα τοῦ γινώσκειν ἀσπαζόμενοι. — ἡ εἰς ἡ γνῶστικῆ, ἡδονὰς ἀβλαβεῖς παρεχομένη καὶ ἀγαλλίασιν καὶ νῦν καὶ εἰς ὕστερον“.

³⁸⁾ Clem. Al. Str VII 1, *Migne IX* с. 401; Gregor. Thaumaturg. op. cit. cap. VI n. 79, ed. *Koetschau S.* 16.

³⁹⁾ Origenis Contra Celsum, I 9, *Migne XI* с. 672

⁴⁰⁾ Clem. Al. Str. VI 18, *Migne IX* с. 396.

⁴¹⁾ Ibid. IV 16, *Migne VIII* с. 1308.

⁴²⁾ Strom. VIII 10, *Migne IX* с. 481.

⁴³⁾ Ibid. VII 1, *Migne IX* с. 404.

⁴⁴⁾ Ibid. I 5, *Migne VIII* с. 717.

⁴⁵⁾ Strom. VI 11, *Migne IX* с. 313.

⁴⁶⁾ Gregor. Thaumaturg. op. cit., cap. VI, n. 76—77, S. 15.

Каждый получившій истинное вѣдѣніе естественно долженъ былъ научить другихъ, и Климентъ полагаетъ, что его ученики пойдутъ на службу «ближнимъ» въ качествѣ христіанскихъ писателей и учителей ⁴⁷⁾. Тѣмъ самымъ предполагалось, что служеніе въ клирѣ есть достойнѣйшее примѣненіе полученныхъ знаній, и Оригенъ выражаетъ желаніе, чтобы св. Григорій воспользовался своимъ образованіемъ «для христіанства» ⁴⁸⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицалась возможность полезнаго примѣненія духовнаго образованія и на другихъ житейскихъ поприщахъ: св. Григорій, оставляя школу Оригена для занятій адвокатурою, надѣется, однако, и при своей «гражданской дѣятельности» возвратитъ своему учителю изъ посягнутыхъ имъ сѣмянъ «плоды, хотя и несовершенные» ⁴⁹⁾.

Широтѣ цѣли соотвѣтствовала и широта учебной программы Александрійской школы. Исходя изъ эллинской идеи знанія всеобъемлющаго ⁵⁰⁾, она включила въ себя весь кругъ тогдашняго высшаго образованія, однако не въ видѣ безсистемной и безпринципной «полимаѳіи» софистической школы, а въ видѣ знанія, объединеннаго въ высшемъ синтезѣ, каковымъ здѣсь служила христіанская философія или богословіе. Если въ философскихъ школахъ ἐγκύκλια μαθήματα были поставлены въ подчиненное отношеніе къ философіи и назывались ея «служанками», то здѣсь сама философія является въ роли «служанки богословія» ⁵¹⁾. Такимъ образомъ весь кругъ наукъ, составлявшихъ программу Александрійской школы, распадался на три группы, изъ которыхъ каждая подчинена была высшей: 1) ἐγκύκλια μαθήματα или пропедевτικά, 2) φιλοσοφία и 3) σοφία или истинная мудрость, т. е. богословіе. Эта градация установлена и обоснована Климентомъ и Оригеномъ.

Изъ круга ἐγκύκλια μαθήματα въ программу школы приняты были слѣдующія науки: діалектика, или логика ⁵²⁾, геометрія,

⁴⁷⁾ Strom. VI 11, *Migne* IX 312—313.

⁴⁸⁾ Origen. Epist. ad Gregor. cap. 1 ed. *Koetschau* S. 40

⁴⁹⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. XVII, n. 202, S. 38.

⁵⁰⁾ Clem. Alex. Paedag. II 2, *Migne* VIII c. 420: «τὰς εἰς γὰρ ἡ σοφία, θεῶν οὐσα καὶ ἀνθρώπων πραγμάτων ἐπιστήμη, ἐμπειρολαβοῦσα τὰ δὲ ἀσφ. Cp Strom. VI 8, *Migne* IX c. 289; Strom. VI 10 c. 304.

⁵¹⁾ Clem. Al. Strom. I, 5, *Migne* VIII c. 721, cp. c. 725: «ἡ φιλοσοφία ἐπιτήδευσις (или συνθεραπευτική) σοφίας».

⁵²⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. VIII, n. 109, S. 22; cf. cap. VII, n. 106, S. 21. Cp. Clem. Al. Strom. I 28, *Migne* VIII, c. 924 и друг.

астрономія ⁵³⁾ и естествовѣдѣніе (φυσιολογία ⁵⁴⁾), а также, вѣроятно, пифагорейская теорія чиселъ ⁵⁵⁾. Принятіе этихъ наукъ обуславливалось прежде всего включеніемъ въ программу школы философіи, которая была тогда связана съ ними неразрывно ⁵⁶⁾. Но онѣ имѣли и непосредственное отношеніе къ богословію,— не только потому, что давали формальную подготовку къ усвоенію богословія и въ частности къ толкованію Свящ. Писанія ⁵⁷⁾, но также и потому, что въ самомъ содержаніи этихъ наукъ указывались элементы, способные направлять мысль къ возвышенному и божественному. Такъ, по мысли Климента, «въ ариметикѣ, подмѣчая восходящія и нисходящія ряды чиселъ и ихъ взаимоотношеніе», ученикъ постигаетъ, «что и большинство вещей подчинено нѣкоторой числовой соразмѣрности»; въ геометріи, «привыкая созерцать сущность пространственныхъ отношеній въ самой себѣ (т. е. отвлеченно отъ вещей), онъ познаетъ нѣкоторое безконечное пространство и неизмѣнную сущность»; въ астрономіи, «поднимаясь отъ земли, онъ возвышается умомъ къ небу и вращается въ небесныхъ сферахъ, наблюдая божественныя явленія и ихъ внутреннюю гармонію,— отъ чего отправляясь, Авраамъ возвысился до познанія Творца»; въ діалектикѣ «производя дѣленіе родовъ на виды, онъ проникаетъ въ различіе сущаго, пока дойдетъ до первыхъ и простыхъ началъ» ⁵⁸⁾; вообще же всѣ названныя науки помогаютъ разысканію истины (ἀλήθεια) ⁵⁹⁾. Съ этой стороны весьма характерно для Александрійской школы устраненіе изъ программы «риторики» или «софистики»,—науки въ то время самой модной. Климентъ считаетъ ее не только бесплодной, ибо она имѣетъ въ виду «убѣждать», а не «разыскивать истину», но и относится къ ней (въ особенности къ эристикѣ) съ ве-

⁵²⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. VIII, n. 113—114, S. 22.

⁵⁴⁾ Ibid. cap. VIII, n. 110, S. 22.

⁵⁵⁾ Euseb. VI 18, Schw. p. 237. О преподаваніи теоріи музыки, которая входила въ курсъ высшей пифагорейской школы (Вильманъ цит. соч. I 179), прямыхъ указаній не имѣется, хотя у Климента она перечисляется въ списокъ наукъ „подготовительныхъ“ къ гносису на первомъ мѣстѣ (музыка, ариметика, геометрія, астрономія, діалектика) Strom. VI 10, Migne IX с. 300—301. Ср. Str. I 9, Migne VIII с. 740, гдѣ упоминается и „φυσικῆ θεωρίᾳ“.

⁵⁶⁾ Вильманъ, цит. соч. I, 179, 181, 189, 202.

⁵⁷⁾ Clem. Al. Str. I 9, Migne VIII 740—741; Greg. Thaum. op. cit. VIII, n. 109—110, S. 21—22; Enseb. VI 18, p. 238.

⁵⁸⁾ Strom. VI 10, Migne IX с. 300—301.

⁵⁹⁾ Ibid. с. 304.

личайшимъ нравственнымъ осужденіемъ, потому что истина въ ней только затемняется, и ложь выдается за правду ⁶⁰). Такое отношеніе объяснялось, очевидно, современнымъ Клименту состояніемъ риторской или софистической школы: принципиальное отрицаніе объективной истины, изъ котораго исходили софисты съ самаго начала, съ упадкомъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ и съ паденіемъ нравовъ привело къ тому, что риторская школа стала совсѣмъ нигилистической. Климентъ полагаетъ, что риторика вполнѣ замѣнима діалектикой, ибо кто умѣлъ доказать истину для себя, тотъ можетъ убѣдить въ ней и другихъ ⁶¹).

Однако ἐγκόλγια μαθήματα занимали въ Алекс. школѣ только служебное положеніе, и знакомство съ ними сосредоточивалось лишь на низшей ступени учебнаго курса. Подобно тому, какъ философы совѣтовали не оставаться долго въ области этихъ знаній, а поскорѣй возвращаться «домой» — въ философію ⁶²), такъ и Климентъ осуждаетъ тѣхъ лицъ, которые, будучи опьянены напиткомъ служанокъ, забыли госпожу ихъ философію, и одни посѣдѣли на геометріи, другіе на діалектикѣ и т. д. ⁶³). — Философія имѣла въ Александрійской школѣ уже болѣе широкую постановку. Внесеніе этой науки въ программу богословской школы обстоятельно мотивировано у Климента и Оригена. Философія имѣетъ для богословскаго образованія значеніе не только формальное, развивая высшія способности души (γυμνάζειν τὸν νοῦν καὶ διεγείρειν τὴν σύνεσιν) ⁶⁴), но и по содержанію, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи она

⁶⁰) Strom. I 8, *Migne* VIII с. 736 sqq.; I 3, с. 712 sqq.

⁶¹) Strom. I 9, *Migne* VIII с. 741. Такое же точно сужденіе о безпольности риторики (τὸ μικρόν τοῦτο καὶ οὐκ ἀναγκαῖον μάθημα) и о замѣнимости ея „логикой“ высказываетъ и св. Григорій Чудотворецъ, основываясь на авторитетѣ Оригена: цит. соч. сар. VII, п. 107, cf. 106, *Koetschau* S. 21. Не смотря на эти ясныя указанія, доселѣ можно встрѣчать утвержденіе, что риторика входила въ программу Александрійской школы. См. напр. *P. Szymank*, Das Hochschulwesen im römischen Kaiserreich bis zum Ausgang der Antike (Beilage zum Programm der Kön. Oberrealschule zu Posen), Posen 1912, S. 12.

⁶²) Николай Дамасскій (I-го в. Р. X.) у Свиды, *Вилльманъ*, цит. соч. I 189.

⁶³) Strom. I 5, *Migne* VIII с. 721. Заимствованное изъ Филона (см. примѣчаніе у *Migne* I. с.), выраженіе Климента въ основѣ своей восходитъ къ упомянутому уже ранѣе Аристиппу. *Вилльманъ*, цит. соч. I 189.

⁶⁴) Clem. Al. Strom. I 5, *Migne* VIII с. 728.

имѣть значеніе не только отрицательное, помогая раскрывать заблужденія философовъ и еретиковъ, воюющихъ противъ истины ⁶⁵⁾, но и положительное, ибо она содержитъ въ себѣ «обрывки» или «сѣмена» истины, разбросанныя въ ученіяхъ разныхъ философовъ ⁶⁶⁾. Последнее утвержденіе стояло въ связи съ извѣстнымъ возрѣніемъ эллиновъ-христіанъ на историческую роль философіи, подробно раскрытымъ у Климента. По этому возрѣнію, философія была для эллиновъ παιδαγωγός εἰς Χριστόν, какъ законъ для евреевъ, была для нихъ завѣтомъ (διαθήκη) Бога-Слова, подготовлявшаго людей къ истинѣ «многочастнѣ и многообразнѣ» ⁶⁷⁾. Но какъ вся эллинская нація была подготовлена къ истинѣ Христовой философіей, такъ и каждаго отдѣльнаго эллина нужно приводить къ богословію чрезъ философію ⁶⁸⁾. Кромѣ того философія вмѣстѣ съ пропедевтическими науками имѣетъ еще и то положительное значеніе, что она облачаетъ божественную истину въ самыя совершенныя формы, какія только доступны человѣку, и съ этой стороны является особымъ видомъ богопочтенія. Какъ евреи украсили кивотъ и скинію золотомъ и серебромъ, которыя они взяли у египтянъ, такъ и божественная истина украшается эллинскими знаніями и является «въ ризахъ позлащенныхъ — — — рясны златыми одѣяна и преиспещрена» (Пс. 44 10. 14) ⁶⁹⁾. — Но, съ другой стороны, хорошо были раскрыты и слабыя, и опасныя стороны философіи. Во-первыхъ, вся истина дана въ Откровеніи, и философія имѣетъ исключительно педагогическое и пропедевтическое значеніе: она лишь содѣйствуетъ и помогаетъ усвоенію божественной истины (τὸ συνεργὸν καὶ ἡ ἐπιτήδεωσις σοφίας); ея отношеніе къ богословію есть отношеніе служанки къ госпожѣ, Агари «чужестранки» къ Саррѣ ⁷⁰⁾. Во-вторыхъ, рядомъ съ крупницами истины философія содержитъ массу заблужденій. Отсюда особенно долгое и настойчивое углубленіе въ философію представляетъ опасность нечестія, въ которое впалъ Адеръ идумеянинъ, бѣжавшій отъ двора

⁶⁵⁾ Ibid. I 20, *Migne* VIII, с. 818.

⁶⁶⁾ Ibid. I 13, *Migne* VIII, с. 756.

⁶⁷⁾ Strom I 5, *Migne* VIII, с. 717; Str. VI 8, *Migne* IX с. 288—289.

⁶⁸⁾ Strom. I 9, *Migne* VIII, с. 740—741.

⁶⁹⁾ Strom. VI 11, *Migne* IX, с. 313. Origen. Epist. ad Greg. cap. 2, ed. *Kötschau* S. 41.

⁷⁰⁾ Clem. Al. Cohort. ad gent. cap. XI, *Migne* VIII, с. 229; Strom. I 5, *Migne* VIII с. 721, 722.

Соломона въ Египетъ и поселившійся при дворѣ фараоновомъ, а по возвращеніи соорудившій золотыхъ тельцовъ въ Веилѣ, что значить «домъ Божій» (3 Цар. 12 28 объ Іеровоамѣ) ⁷¹⁾. Поэтому обязанность христіанина не оставаться долго «въ гостяхъ у чужестранки» (Притч. V 20), а взявъ у нея «полезное», поскорѣе «возвращаться домой къ истинной философіи» ⁷²⁾.

Этими принципами опредѣлялись объемъ и постановка науки философіи въ Александрійской школѣ. Общая особенность греческихъ философскихъ школъ позднѣйшей эпохи заключалась въ томъ, что въ каждой изъ нихъ изучалась одна какая-нибудь философская система, охранявшаяся съ сектантскимъ фанатизмомъ и нетерпимостью ⁷³⁾. Христіанская школа, не признавая ни одной системы истинною, брала всю совокупность философскихъ системъ—*σύνταξ τὸ ἐκλεκτικὸν φιλοσοφίας*, по выраженію Климента ⁷⁴⁾; философія Александрійской школы была, слѣдовательно, эклектической. Это мотивировалось соображеніями не только богословскими, но и общими научно-педагогическими. Ибо и съ точки зрѣнія эллина, ставившаго своей задачей разысканіе истины, было единственно цѣлесообразнымъ методомъ напередъ разобратся во всѣхъ системахъ, чтобы сознательно остановиться на одной, и наоборотъ было совсѣмъ неразумно, случайно избравъ себѣ какого-нибудь учителя философіи, «отдаться ему безъ разсужденія подобно вещи» и не хотѣть знать ничего другого, что было обычнымъ явленіемъ въ то время; такъ мотивируетъ эклектизмъ св. Григорій ⁷⁵⁾. Кругъ философскихъ системъ былъ ограниченъ однимъ лишь правиломъ: изъ него исключались произведенія философовъ, отрицавшихъ существованіе «Божества и Промысла». Это мотивировалось не только тѣмъ, что христіанину подобныя сочиненія читать непристойно, но также и тѣмъ, что попытки отрицать бытіе Божества и съ философской точки зрѣнія лишены всякой цѣнности, ибо онѣ «выходятъ за предѣлы чело-вѣческаго мышленія» ⁷⁶⁾. Впрочемъ, на высшей ступени обу-

⁷¹⁾ Origen. Epist. ad Greg. cap. 3, ed. Köttschau S. 42—43.

⁷²⁾ Clem. Al. Strom. I 5, Migne VIII c. 724; Strom. VI 11, Migne IX, c. 312.

⁷³⁾ П. Монро. Исторія педагогики, т. I, стр. 160.

⁷⁴⁾ Strom. I 7, Migne VIII c. 732.

⁷⁵⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. XIV, n. 163—164, Köttschau S. 31.

⁷⁶⁾ Ibid. cap. XIII, n. 152, S. 29: „ἄσσι ἐκχυλισθέντες ὁμοῦ καὶ τῶν ἀνθρωπίνων ἐννοσιῶν οὐκ εἶναι θεῶν ἢ πρόνοιαν λέγουσι“.

ченія, когда человѣкъ достаточно утверждался въ истинѣ, ему разрѣшалось читать все безъ изъятія ⁷⁷⁾). Тѣмъ не менѣе самыми подходящими для изученія считались тѣ системы, которыя своимъ идеалистическимъ направленіемъ или высокимъ нравственнымъ ученіемъ болѣе или менѣе приближались къ христіанству, а именно: ученіе пифагорейцевъ, стоиковъ, Аристотеля, но всего болѣе ученіе Платона, этого «аттическаго Моисея» (Μοῦσος ἀττικίζων) и «друга истины» (φιλαλήθης) ⁷⁸⁾). Точно также и при выборѣ отдѣловъ философіи имѣлась въ виду основная цѣль школы: изучались вопросы «о добрѣ и злѣ» и вопросы «о сущности вещей и ихъ причинахъ» ⁷⁹⁾), т. е. этика и метафизика.—Однако по всему видно, что философскія науки не изучались въ качествѣ дисциплинъ самостоятельныхъ. Если ἐγκύκλια μαθήματα, имѣвшія почти исключительно формальное значеніе и не занимавшіяся разысканіемъ высшей истины, не содержали въ себѣ ничего особенно опаснаго для вѣры и могли изучаться отдѣльно отъ богословія, то философскія науки, преслѣдовавшія одинаковую съ богословіемъ цѣль, представляли для учениковъ немалую опасность заблудиться въ «лабиринтѣ» философскихъ разсужденій и потерять нить истины. Поэтому школа, какъ говорить св. Григорій, не оставляла ученика безпомощнымъ, а вела его за руку чрезъ поле философскихъ хитросплетеній, всюду освѣщая ихъ съ точки зрѣнія божественной истины ⁸⁰⁾). Отсюда можно заключать, что философскія науки изучались вмѣстѣ съ богословскими и именно этика—съ христіанскимъ нравоученіемъ, а метафизика—съ догматикой.

Главнымъ предметомъ школьнаго преподаванія, какъ это ясно изъ всего сказаннаго, было богословіе. Здѣсь центральное положеніе занимало изученіе Священнаго писанія—эксзе-

⁷⁷⁾ Ibid. с. XV, n. 182, S. 34. Cf. Euseb. III 7, Schw. p. 274 (о Діонисіи Алекс.).

⁷⁸⁾ Strom. I 8, Migne VIII, с. 737; Вилльманъ, цит. соч. I 251. Преимущественное значеніе названныхъ философскихъ системъ въ программѣ Александрійской школы явствуетъ изъ особеннаго вниманія къ нимъ Климента Алекс. въ эго трехъ главныхъ твореніяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ его школьной практикѣ (см. ниже). Этика и метафизика, вмѣстѣ съ естествознаніемъ, были основными предметами изученія и въ философской школѣ Grassberger, цит. соч. III, S. 439.

⁷⁹⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. IX, n. 123, S. 24; Clem. Alex. Strom. I 5, Migne VIII с. 728, с. 721 fin.

⁸⁰⁾ Greg. Thaum. op. cit. cap. XIV, n. 168 sqq., S. 32—33.

гетика, о чемъ свидѣтельствуесть уже самое названіе школы διδασκαλεῖον τῶν ἱερῶν λόγων. Въ этомъ отношеніи Александрійская школа не отличалась отъ школъ другихъ типовъ. Однако и въ области богословскаго преподаванія эллинскій философско-умозрительный духъ школы нашелъ свое отраженіе: онъ выразился, во-первыхъ, въ развитіи рядомъ съ экзегетикой особаго систематическаго богословія и, во-вторыхъ, въ самомъ характерѣ александрійскаго экзегезиса. Что систематическое богословіе занимало въ Александрійской школѣ выдающееся положеніе, это видно уже изъ того, что преподаваніе александрійскихъ учителей въ источникахъ чаще всего называется наученіемъ «божественнымъ догматамъ» ⁸¹⁾, а также изъ названія учителей «дидаскалами» ⁸²⁾, каковой терминъ, по интерпретаціи Климента Ал., долженъ обозначать учителя христіанской философіи или догматики ⁸³⁾; напротивъ обычное въ школахъ восточно-сирійскаго типа названіе ἐξηγητής (толкователь) здѣсь почти не употребляется ⁸⁴⁾, хотя этотъ терминъ въ аналогичномъ значеніи былъ принятъ въ эллинской педагогикѣ языческой эпохи и въ частности въ Александрійскомъ «музеѣ» ⁸⁵⁾. Изъ сочиненій Климента Ал. можно заключать, что въ Александрійской школѣ впервые сложился кругъ богословскихъ наукъ систематическаго характера, изученіе которыхъ должно было предшествовать экзегетическому курсу. Этими науками, если употреблять современную терминологию, были: апологетика, нравственное богословіе и догматика. Существуетъ мнѣніе, что извѣстныя три сочиненія Климента Ал.,—«Протрентикъ», «Педагогъ» и «Строматы»,—по содержанію соответствующія названныхъ тремъ наукамъ, представляютъ собою не что иное, какъ изложеніе лекцій, читанныхъ имъ на трехъ послѣдовательныхъ курсахъ богословской школы ⁸⁶⁾. Что развитіе школьнаго курса Климента въ основѣ должно

⁸¹⁾ Euseb. V 10, Schw. p. 193; Pallad. Lausiac. у Guerike op. cit. 95 и др.

⁸²⁾ Euseb. VIII 13, p. 330; Soerat. hist. eccl. IV 23, Migne gr. t. 67 c. 520; Photii Biblioth. cod. 118, Migne t. 103 c. 397 и др.

⁸³⁾ Clem. Alex. Paedag. I 1. Migne VIII, c. 252, 249.

⁸⁴⁾ Исключеніе—Greg. Thaum. op. cit. cap. XV, п. 176, S. 34.

⁸⁵⁾ Grassberger, цит. соч. II, S. 201; Вилльманъ, цит. соч. I, 203; Моммсенъ, Римская исторія т. V, 557—558.

⁸⁶⁾ В. Преображенскій, Восточныя и западныя школы во времена Карла Великаго, ихъ отношеніе между собою, къ классическимъ и древне-христіанскимъ и постановка въ нихъ богословія, Спб. 1881, стр.

было соответствовать постепенному раскрытію христіанскаго ученія, представленному въ его сочиненіяхъ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, хотя было бы напрасно искать опредѣленныхъ указаній на ихъ школьное употребленіе. Основанія для такого сближенія слѣдующія. Во-первыхъ, цѣль своихъ трехъ сочиненій, связанныхъ несомнѣнною послѣдовательностью ⁸⁷⁾, Климентъ полагаетъ въ постепенномъ приведеніи челоуѣка къ христіанскому гносису ⁸⁸⁾; но не могла быть иною и цѣль школы, а слѣдовательно было бы странно предполагать, что въ школьной практикѣ Климентъ отступалъ отъ того порядка изложенія матеріала, который былъ принятъ имъ въ сочиненіяхъ, тѣмъ болѣе, что этотъ порядокъ является единственно естественнымъ. Во-вторыхъ, порядокъ изложенія матеріала въ сочиненіяхъ Климента въ основѣ соответствуетъ тому порядку школьнаго курса, который описанъ св. Григоріемъ въ его разсказахъ объ урокахъ Оригена ⁸⁹⁾. Но необходимо предполагать, что названными сочиненіями Климента его школьные «λόγοι» не исчерпывались: не говоря уже о «Строматахъ», которыя, по заявленію самого автора, не отвѣчаютъ полному курсу христіанской философіи, каковой долженъ бы составить особую книгу подъ заглавіемъ «Διδασκαλικός» ⁹⁰⁾, и въ другихъ частяхъ программы сочиненіями Климента далеко не покрывается тотъ матеріалъ преподаванія, который

40—42. Проф. Д. П. Муртовъ, Нравственное ученіе Климента Александрійскаго, Спб. 1900, стр. XIX. Относительно сочиненія Оригена „περί ἀρχῶν“ г. Преображенскій также полагаетъ, что оно было читано третьему „исотерическому“ курсу слушателей Александрійской школы (цит. соч. стр. 42—44). Равнымъ образомъ относительно утраченныхъ Ὑποτάξεις Климента и толкованій на Св. Писаніе Оригена высказывается мнѣніе, что эти сочиненія имѣли отношеніе къ школьному курсу экзегетики. См. *Leclercq*, Alexandrie, въ *Dictionaire publ. par. Cabrol* t. I, с. 1171; *Harnack*, *Alex. Katechetenschule*, въ *RE³* I, S. 358.—При оцѣнкѣ этой теоріи слѣдуетъ имѣть въ виду, между прочимъ, и философскую традицію эллинистической и римской эпохи: „цѣлыя массы сочиненій (этого періода) были составлены въ качествѣ лекцій для школъ или для опредѣленнаго круга слушателей“. *Grassberger*, *Erziehung und Unterricht im klass. Alterthum*, Th. III, S. 430.

⁸⁷⁾ *Paedog.* I 1, *Migne* VIII с. 252. Ср. Д. П. Муртовъ, цит. соч. стр. XIX.

⁸⁸⁾ *Paedag.* *ibid.*

⁸⁹⁾ *Greg. Thaum.* *op. cit.* n. 115 sqq., 150 sqq., 174 sqq.

⁹⁰⁾ *Strom.* I 1, *Migne* VIII с. 704; *Paed.* I 1, *ibid.* с. 249. Cf. *Strom.* VII 18, *Migne* IX с. 556.

описанъ св. Григоріемъ⁹¹⁾. — Другимъ результатомъ философскаго направленія Александрійской школы былъ аллегорическій способъ толкованія Св. Писанія: сущность его съ методологической точки зрѣнія заключалась въ подчиненіи литературнаго экзегесиса требованіямъ опредѣленной догматической системы, конечно, не произвольной, а основанной на церковномъ преданіи⁹²⁾.

Такова была программа Александрійской школы. Въ какомъ порядкѣ располагался учебный курсъ? На это также имѣются довольно ясныя указанія у Климента и св. Григорія. Систематическимъ школьнымъ занятіямъ предшествовало болѣе или менѣе продолжительное испытаніе новопоступающихъ, которымъ, по свидѣтельству Евсевія, опредѣлялся самый составъ учениковъ высшей школы⁹³⁾. Однако, оно имѣло въ виду не только опредѣленіе знаній ученика, но также ознакомленіе съ его характеромъ и мировоззрѣніемъ и параллельно должно было привести ученика къ сознанію необходимости для него высшаго знанія. Это нелегкое для учениковъ испытаніе подробно описалъ св. Григорій, лично подвергавшійся ему въ школѣ Оригена. «Онъ осматривалъ насъ,—говоритъ между прочимъ св. Григорій объ Оригенѣ,—съ искусствомъ земледѣльца, замѣчалъ не только видимое всѣмъ и усматриваемое на поверхности, но вскапывалъ и изслѣдовалъ внутреннее, спрашивая, предлагая [задачи] и выслушивая отвѣты, не замѣтитъ ли въ насъ что-нибудь пригодное и небезполезное, — — — онъ нападалъ на насъ въ особенности сократическимъ методомъ и, бывало, сбивалъ своими аргументами; — — — тяжело намъ было сначала и не безболѣзненно, потому что мы не привыкли ни къ чему подобному и не умѣли слѣдить за аргу-

⁹¹⁾ Не говоря уже о богословскомъ освѣщеніи пропедевтическихъ наукъ, каковое предполагается у св. Григорія въ ш. 111—114, ни въ „Педагогѣ“, ни въ „Строматахъ“ нѣтъ того широкаго обзора этическихъ и метафизическихъ системъ философовъ, о которомъ говорится въ ш. 158—173.

⁹²⁾ Strom. I 1, *Migne* VIII с. 704. Ср. *Д. П. Миртовъ*, цит. соч. стр. 191 прим. 4. Origen. *Peri archon* IV 2, *Migne* XI с. 115. Аллегорическій методъ былъ извѣстенъ и греческой философской школѣ: Анаксагоръ и особенно стойки примѣняли его къ объясненію Гомера, который имѣлъ каноническое значеніе въ древне-греческой образовательной системѣ. *Вилльманъ*, Дидактика т. I, стр. 181, ср. 172.

⁹³⁾ Euseb. VI 18, *Schw.* p. 237—238.

ментацией» ⁹⁴). Подобныя испытанія, тоже весьма серьезныя, были приняты и въ философскихъ школахъ. У пифагорейцевъ, напр., изслѣдовалась вся предшествовавшая жизнь ученика, его склонности и даже наружность, ибо, по пифагорейскому изреченію, «художникъ ищетъ подходящаго дерева, когда хочетъ создать статую Гермеса», и «не изъ всякаго дерева можно сдѣлать Меркурія» ⁹⁵). Послѣ испытанія начинались систематическія занятія, которыя распадались на четыре ступени. На первой ступени проходились ἐγκύκλια μαθήματα, т. е. діалектика, математическія науки и естествовѣдѣніе ⁹⁶); тотъ же порядокъ былъ принятъ и въ философскихъ школахъ, которыя считали эти науки (въ особенности математику) «рукоютками философіи» (λαβαί φιλοσοφίας) ⁹⁷). Но въ Александрійской школѣ рядомъ съ ἐγκύκλια μαθήματα на той же ступени изучалась, вѣроятно, и первая богословская наука—апологетика ⁹⁸). Это видно изъ того, что слѣдующая за апологетикой ступень богословскаго курса совпадаетъ уже съ началомъ философскаго курса, составляющаго непосредственное продолженіе наукъ энциклопедическихъ. На второй ступени изучалось христіанское правоученіе въ связи съ философскою этикой ⁹⁹), на третьей ступени—христіанская философія или догматика въ связи съ метафизическими системами философовъ ¹⁰⁰). Наконецъ, четвертую ступень составляла эзегетика ¹⁰¹). Отвѣчали ли названныя ступени годамъ обученія или курсамъ въ современномъ смыслѣ слова, это не ясно, хотя представляется вѣроятнымъ, съ тою только оговоркою, что экзегетика, какъ по важности, такъ и по обилію матеріала, навѣрное требовала больше одного года обученія. Св. Григорій и его братъ Аѳинодоръ, по свидѣтельству Евсевія, учились въ школѣ Оригена 5 лѣтъ ¹⁰²); тотъ же срокъ былъ обычнымъ и въ школахъ пи-

⁹⁴) Gregor. Thaum. op. cit. cap. VII, nn. 95, 97—98, S. 19—20.

⁹⁵) Вилльманъ, цит. соч. I, стр. 178.

⁹⁶) Gregor. Thaum. cap. VII—VIII, nn. 100—114, S. 20—22. Всѣ показанія св. Григорія объ учебномъ курсѣ имѣютъ видъ хронологически послѣдовательнаго разсказа.

⁹⁷) Вилльманъ, цит. соч. 189.

⁹⁸) Cf. Clem. Alex. Paedag. I 1, Migne VIII c. 252.

⁹⁹) Gregor. Thaum. op. cit. cap. IX—XII, S. 22—29. Cp. Paedag. I. c.

¹⁰⁰) Ibid. cap. XIII—XIV, S. 29—33. Cf. Paedag. I. c.; Strom. I 1, Migne VIII c. 708.

¹⁰¹) Greg. Thaum. cap. XV, nn. 174—181, S. 33—34.

¹⁰²) Euseb. VI 30, p. 249.

еагорейцевъ и академиковъ ¹⁰³). Отсюда 5-лѣтняя продолжительность курса въ Александрійской школѣ представляется весьма вѣроятною. Если она была такова, то изученіе систематическихъ богословскихъ наукъ параллельно съ общеобразовательными науками и философіей должно было падать на первые три курса школы, а изученіе экзегетики—на два старшіе.—Такова была постановка учебной части Александрійскаго διδασκαλεῖον'а.

Что касается постановки в о с п и т а н і я, то она опредѣлялась двойственною природою γνῶσις'а, какъ главной цѣли школы. Воспитаніе въ Александрійской школѣ занимало очень важное, можно сказать, доминирующее положеніе, но оно существовало не въ видѣ отдѣльной дисциплинарной системы, а было неразрывно связано съ образованіемъ. Такова же была, какъ сказано выше, и философская традиція. Когда Климентъ Алекс. говорить объ отношеніи воспитанія къ образованію, въ его словахъ не трудно усмотрѣть нѣкоторый отзвукъ Сократова ученія о добродѣтели—знаніи. Различая въ «истинѣ» двѣ стороны: «теоретическую» (τὸ θεωρητικόν или γνωστικόν) и «практическую» (τὸ ποιητικόν), онъ говоритъ, что практическая «вытекаетъ изъ теоретической», и что «тому, кто основательно изучилъ кругъ наукъ, относящихся къ гносису, можно оставаться спокойнымъ за остальное, сообразуя свои дѣла съ ученіемъ» ¹⁰⁴). Тѣмъ не менѣе александрійская педагогика могла считать себя свободной отъ упрека въ одностороннемъ интеллектуализмѣ, во-первыхъ, потому, что въ основу самаго «гносиса» она полагала живое начало «вѣры» (πίστις), безъ которой истинное знаніе не возможно ¹⁰⁵), во-вторыхъ, потому, что преуспѣяніе въ «гносисѣ» она обусловливала параллельнымъ преуспѣяніемъ въ дѣлахъ ¹⁰⁶). Этими принципами опредѣлялись два средства воспитательнаго воздѣйствія въ Александрійской школѣ. Первымъ средствомъ были самые уроки учителя—λόγοι, которые должны были носить характеръ вдохновенной проповѣди. Вторымъ средствомъ былъ личный примѣръ учителя, который въ силу двойственной природы гносиса долженъ былъ учить не только словомъ, но и дѣломъ. Таковъ

¹⁰³) Вилльманъ I, стр. 178. Въ аэинскихъ школахъ курсъ продолжался отъ 5 до 8 лѣтъ. Grassberger, цит. соч. III, 428.

¹⁰⁴) Strom. VI 11, Migne IX с. 312.

¹⁰⁵) Strom. II 6 fin., Migne VIII с. 965, 968.

¹⁰⁶) Strom. VI 11, Migne IX с. 312.

былъ, по словамъ св. Григорія, Оригенъ, который, уча мудрости, въ то же время въ собственной личности представлялъ образецъ мудраго (παράδειγμα σοφοῦ), влиялъ на учениковъ одновременно «дѣлами и словами» ¹⁰⁷). Въ результатъ этого двойственнаго воздѣйствія между ученикомъ и учителемъ устанавливалась тѣснѣйшая связь, которую св. Григорій характеризуетъ словами Писанія: «и соединилась душа Ионаѳана съ Давидомъ» (1 Цар. 18 1) ¹⁰⁸).

Что касается, наконецъ, внѣшняго устройства Александрійской школы, то объ этомъ имѣются лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Прежде всего, можно считать несомнѣннымъ, что школа всегда была подчинена Александрійскому епископу, хотя этотъ фактъ для древнѣйшей эпохи (до 250 г.) иногда и оспаривается ¹⁰⁹). По крайней мѣрѣ всѣ указанія источниковъ, относящіяся къ способу замѣщенія должности начальника школы, говорятъ о томъ, что школа «поручается» или «ввѣряется» опредѣленному лицу епископомъ ¹¹⁰).—Учитель школы (διδάσκαλος), онъ же и начальникъ ея (ὁ προϊστάμενος), былъ одинъ ¹¹¹). Это отвѣчало традиціи философскихъ школъ, изъ которыхъ каждая также группировалась около одного учителя ¹¹²). Впрочемъ, о нѣкоторыхъ дидаскалахъ имѣются опредѣленные указанія, что они избирали себѣ помощниковъ ¹¹³), и можно съ

¹⁰⁷) Gregor. Thaum. op. cit. cap. XI n. 135, 137, S. 26.

¹⁰⁸) Ibid. cap. VI, n. 85, S. 17.

¹⁰⁹) Напр. Fr. Schemmel, Die Hochschule von Konstantinopel vom V bis IX Jahrhundert (Beilage zu dem Jahresbericht des Kön. Wilhelms—Gymnasiums in Berlin), Berlin 1912, S. 10. Ср. Harnack, „Alexandrinische Katechetenschule“ въ Realencyclopädie v. Hauck, 3-e Auflage, B. I, S. 357.

¹¹⁰) Euseb. VI 3, Schw. p. 224 (объ Оригенѣ); Euseb. VII 32, p. 312 (объ Ахиллѣ) и друг. Leclercq (Alexandrie, въ Dictionaire publ. par Cabrol, I с. 1172) полагаетъ, что зависимость школы отъ церкви началась съ Оригена. О времени Пантѳона и Климента никакихъ свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣется. Но нельзя упускать изъ вида, что Климентъ былъ пресвитеромъ Александрійской церкви. Кромѣ того, сравненіе сочиненій Климента и Оригена и ссылка послѣдняго на традицію Пантѳона (Euseb. VI 19, p. 240) не даютъ основаній предполагать, что въ отношеніи свободы преподаванія между Пантѳономъ и Оригеномъ произошла какая-либо перемѣна. Форма зависимости александрійской школы отъ епископа неизвѣстна, но можно полагать, что она не похожа была на католическую традицію, съ точки зрѣнія которой рѣшаютъ данный вопросъ западные ученые.

¹¹¹) См. Euseb. V 10, VI 3, VI 6, VI 26 и друг.

¹¹²) Вильманъ, Дидактика I, стр. 202.

¹¹³) Euseb. VI 15; VII 32. Ср. прим. 31.

вѣроятностью предполагать, что институтъ помощниковъ былъ почти постояннымъ. Подобный институтъ существовалъ и въ философскихъ школахъ, при чемъ помощникамъ поручалось чтеніе болѣе простыхъ, элементарныхъ частей курса¹¹⁴). Но относительно Александрійской школы нельзя съ увѣренностью сказать, что помощники читали именно въ высшей школѣ, такъ какъ здѣсь рядомъ съ высшей существовала, повидимому, и средняя школа¹¹⁵). Требования, предъявлявшіяся къ дидакаламъ, были весьма высоки: всѣ извѣстныя намъ дидакалы характеризуются какъ лица, обладавшія глубокими богословскими, философскими и вообще научными познаніями и высокимъ нравственнымъ характеромъ¹¹⁶). Напротивъ священныи санъ не былъ обязателенъ за все время существованія школы: изъ 13-ти лицъ, которыхъ съ несомнѣнностью можно считать дидакалами школы, 4 лица во время своего учительства были пресвитерами, 4 не имѣли священнаго сана, и о 5-ти опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется¹¹⁷).—Ученики школы (*φοιτηταί* или *φοιτῶντες*) принимались безъ различія званій и состояній, а на низшую ступень — и безъ различія вѣроисповѣданій¹¹⁸). Въ числѣ слушателей Оригена упоминаются даже женщины¹¹⁹), но нельзя съ увѣренностью сказать, что онѣ слушали курсъ высшей школы, хотя въ философскихъ школахъ женщины выступали иногда и въ качествѣ преподавательницъ¹²⁰). Ученики приходили въ школу группами поочередно и такимъ образомъ заполняли весь день дидакала съ утра до вечера¹²¹). Скопленіе слушателей было иногда громаднымъ, такъ что

¹¹⁴) Проф. И. В. Цвѣтаевъ, Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи, стр. 11—12. *Grassberger*, цит. соч. III, S. 435.

¹¹⁵) Интересно, что Оригенъ называетъ своего помощника Иракла не *φιλοσοφῶν*, а *φιλόλογον* (Euseb. VI 19), т. е. указываетъ, повидимому, на литературный характеръ его занятій (ср. *Вильманъ* I 188), хотя съ другой стороны онъ же указываетъ, что Иракль носилъ даже философскій плащъ (Euseb. VI 19, p. 240).

¹¹⁶) См. напр. Euseb. V 10 (о Пантанѣ), VII 32 (о Пьеріи), VIII 13 и IX 6 (о св. Петрѣ Мученикѣ), Socrat. IV 25 (о Дидимѣ) и др.

¹¹⁷) Къ первой группѣ относятся Климентъ, Иракль, Пьерій, Ахиллъ; ко второй—Пантанъ, Оригенъ, Дидимъ, Родонъ; изъ 5-ти лицъ третьей группы двое позднѣе были епископами (Діонисій и Петръ Муч.) и одинъ (Макарій)—пресвитеромъ. Замѣчательно при этомъ, что пресвитеръ Иракль былъ помощникомъ не состоявшаго въ священномъ санѣ Оригена.

¹¹⁸) Euseb. VI 18 in.

¹¹⁹) Euseb. VI 8, *Schw.* p. 228.

¹²⁰) *Grassberger*, цит. соч. III, S. 439.

¹²¹) Euseb. VI 15.

обращало на себя вниманіе администраціи¹²²). Это было возможно потому, что способ преподаванія былъ лекціонный (λόγοι)¹²³). Обученіе было безплатнымъ, и нѣкоторые учителя, какъ Оригенъ, отклоняли матеріальную помощь со стороны богатыхъ учениковъ, даже когда она настойчиво предлагалась¹²⁴). Въ этомъ отношеніи Александрійская школа также представляла аналогію со старыми философскими школами, которыя, въ противоположность софистамъ, принципиально отрицали плату за ученіе¹²⁵). Въ результатѣ учителямъ иногда приходилось, при всей сложности учебныхъ занятій, добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ и жить въ страшной бѣдности¹²⁶). О какихъ либо постоянныхъ средствахъ содержанія школы свѣдѣній не имѣется. До Константина Великаго школа могла рассчитывать только на поддержку мѣстной церкви, но, какъ показываетъ примѣръ Оригена, который долженъ былъ довольствоваться 4-мя оволами (ок. 12 коп.) въ день, вырученными отъ продажи книгъ¹²⁷), церковь не всегда была въ состояніи оказывать эту помощь. Напротивъ послѣ торжества христіанства школа могла рассчитывать на помощь со стороны государства: послѣднее до нач. VI вѣка брало на свое содержаніе языческія школы¹²⁸), тѣмъ болѣе оно должно было позаботиться о школѣ христіанской. Но дѣйствительно ли оказана была эта помощь, неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, гдѣ помѣщалась въ этотъ періодъ школа. Въ эпоху гоненій она помѣщалась въ частномъ домѣ, иногда переходила изъ одного дома въ другой¹²⁹), но въ IV вѣкѣ она естественно должна была поселиться въ какомъ-либо изъ принадлежащихъ церкви зданій, какъ это было въ Кесаріи уже въ 30-хъ годахъ III вѣка¹³⁰).

Александрійская школа носила настолько опредѣленно выраженный греческій характеръ, что ею можно бы ограничиться для описанія высшей богословской школы греческаго типа. Но здѣсь можетъ быть поставленъ вопросъ: не была ли эта

¹²²) Euseb. VI 3, Schw. p. 224.

¹²³) Gregor. Thaum. op. cit. cap. XVI, n. 185, S. 35. Такова же была и философская традиція. Grassberger III, 432.

¹²⁴) Euseb. VI 3 fin. ¹²⁵) Вильманъ I, 192—193.

¹²⁶) Euseb. VI 3, Schw. p. 224—225. ¹²⁷) Ibid.

¹²⁸) Цвѣтаевъ, цит. соч. стр. 37 слѣд.

¹²⁹) Euseb. VI 3, p. 224.

¹³⁰) Gregor. Thaum. op. cit. cap. XVI, n. 196, S. 37.

школа исключеніемъ и, можетъ быть, отклоненіемъ отъ нормы, которое пришлось потомъ исправлять? Поводъ къ такому предложенію можетъ давать тотъ фактъ, что закрытіе школы хронологически совпало съ началомъ церковной борьбы противъ оригенизма¹³¹⁾. Вліяніе этого факта нельзя отрицать вполне, но онъ не могъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ связь оригенизма со школьной системой не была неразрывною, и нѣкоторые дидаскалы школы, какъ свв. Петръ и Макарій¹³²⁾, несомнѣнно отличались безукоризненнымъ православіемъ.— Болѣе важное значеніе для судьбы школы долженъ былъ имѣть другой фактъ. Послѣ основанія Константинополя Александрія начала постепенно терять значеніе главнаго центра греческой культуры, а въ началѣ V вѣка утратила это значеніе окончательно. Но по мѣрѣ того, какъ центръ греческой культуры перемѣщался въ новую столицу, въ Александрію получили преобладаніе туземныя египетскія вліянія, которыя въ свою очередь стояли въ тѣсной связи съ восточными сирійскими традиціями. Эти элементы относились къ эллинизму въ полномъ смыслѣ отрицательно¹³³⁾, и въ результатѣ Александрія, бывшая центромъ греческой культуры, въ V—VI вв. сдѣлалась очагомъ восточнаго сирійско-коптскаго сепаратизма¹³⁴⁾. Такимъ образомъ паденіе школы произошло на почвѣ мѣстныхъ національно-культурныхъ, а не обще-церковныхъ отношеній.

Но если паденіе Александрійской школы было связано съ перемѣщеніемъ культурнаго центра въ Константинополь, то уже а priori продолженія Александрійской богословской школы слѣдовало бы искать въ Константинополѣ. Оказывается, что такая школа дѣйствительно здѣсь существовала, хотя указанія источниковъ въ этомъ отношеніи настолько скудны, что приходится пользоваться лишь намеками. Точкою отправленія слу-

¹³¹⁾ *Guerike*. De schola Alexandrina, p. 119.

¹³²⁾ Phil. Sidet. у *Guerike* op. cit. p. 82, 87.

¹³³⁾ Извѣстно, что тотъ самый еп. Теофилъ, который началъ борьбу противъ оригенизма, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ руководителемъ фанатичнаго восточнаго монашества въ его борьбѣ не только противъ эллинскаго языческаго культа, но и противъ эллинизма вообще. *Socrat.* V 16—17, cf. VII 15. *Synesii Ptolem. epist.* 154 и „Dio“, см. у *T. R. Glover'a*, *Life and Letters in the fourth century* (Cambr. 1901), p. 338 sqq.

¹³⁴⁾ *Harnack*. *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, B. II (2 Aufl. 1894), S. 345 ff. Ср. *А. Дьяконовъ*. *Юванъ Ефесскій* (Спб. 1908) стр. 17, 152 слѣд.

жить здѣсь разсказъ хроникки Георгія Монаха (IX в.) объ уничтоженіи Константинопольской школы императоромъ—иконоборцемъ Львомъ Исавромъ (717—741). Онъ разсказываетъ со словъ «достоувѣрнѣйшихъ людей», что въ Константинополѣ «близъ такъ называемой царской цистерны, расположенной подлѣ Халкопратіи, находился прекрасный домъ, въ которомъ по древнему правилу (κατὰ τύπον ἀρχαῖον) имѣлъ пребываніе вселенскій учитель (οἰκουμηνικός διδάσκαλος), имѣвшій при себѣ учениковъ и помощниковъ (μαθητὰς αὐτοῦ καὶ σολήτορας), превосходныхъ мужей числомъ 12, прошедшихъ всю науку (πᾶσαν ἐπιστήμην), и сильныхъ въ церковныхъ догматахъ; они имѣли отъ царя содержаніе, а равно и книги; безъ ихъ совѣта и мнѣнія цари не издавали распоряженій ¹³⁵». Къ этому позднѣйшіе хронисты добавляють, что школа располагала множествомъ книгъ «какъ внѣшней мудрости (τῆς θύραθεν σοφίας), такъ и благороднѣйшей божественной», и что дидаскаль и его помощники обучали всѣхъ желающихъ даромъ какой угодно наукѣ (ὀποιανοῦν παιδείαν) ¹³⁶. Левъ Исавръ пытался убѣдить этихъ ученыхъ «присоединиться къ его безбожію», а когда это не удалось, приказалъ сжечь школу вмѣстѣ съ учителями и книгами ¹³⁷. Болѣе близкая къ событію хроника Теофана (нач. IX в.), не разсказывая подробностей, подтверждаетъ фактъ закрытія школы и дѣлаетъ при этомъ весьма существенное добавленіе, что благочестивое училище (τὴν εὐσεβῆ παιδείαν), закрытое при Львѣ, существовало со времени Константина Великаго ¹³⁸.—Дѣйствительно, уже для времени Констанція и Юліана можно находить въ источникахъ опредѣленные указанія на существованіе въ «царскомъ портикѣ» (στοὰ βασιλική) школы, — вѣрнѣе — «школь» (παιδευτήρια), между прочимъ грамматической и риторской, — и библіотеки ¹³⁹; но преподавалось ли въ этой школѣ богословіе, никакихъ указаній не имѣется. Указанія на богословскій характеръ школы въ στοὰ βασιλική начинаются съ конца V вѣка; ихъ немного, но

¹³⁵) Georgii Monachi Chronicon, ed. C. de Boor, vol. II (Lipsiae 1904) p. 742.

¹³⁶) Joh. Zonarae Annal. XV 3, Migne gr. 134, c. 1324; Anonymus у Сауы Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη VII (Βενετ. 1894) p. 123.

¹³⁷) Georg. Mon. ibid.

¹³⁸) Theoph. Chronogr. a. 6218, ed. Bonn. p. 623. Cf. Ps.-Codinus, ed. Bonn. p. 83.

¹³⁹) Socrat. hist. eccl. I 3; Zosimi hist. nov. III 11, 3.

они очень выразительны. Въ 491 г. императоръ Анастасій, по сирійскимъ источникамъ, «подвергся насмѣшкамъ» со стороны «молодыхъ людей, которые изучали Писанія», вѣроятно по поводу своего монофиситскаго богословствованія, и казнилъ ихъ ¹⁴⁰). Далѣе, около половины VI вѣка въ Константинополѣ занимается преподавательствомъ первый извѣстный намъ οἰκουμενικὸς διδάσκαλος—діаконъ Георгій Хировоскъ (Χοιροζουσκός), онъ же и хартофилаксъ (вѣроятно, въ смыслѣ хранителя библіотеки), по специальности грамматикъ ¹⁴¹). При узурпаторѣ Фокѣ (602—610) школа временно прекращаетъ свою дѣятельность. Въ это время армянинъ Ананія Ширакскій, оставившій намъ свою автобіографію, отправляется въ Константинополь учиться: по дорогѣ онъ встрѣчаетъ состоящаго при патриархѣ діакона Филагрія, который везетъ съ собою юношей, «учащихся при царскомъ дворѣ», въ Трапезунтъ къ нѣкоему учителю Тихику, потому что въ столицѣ школа закрыта; Ананія отправляется вмѣстѣ съ юношами Филагрія къ Тихику, и тамъ они учатся, кромѣ богословія, философіи и математикъ ¹⁴²). Съ воцареніемъ Ираклія, по образному выраженію его панегириста Симокатты, «философія, изгнанная (предъ тѣмъ) изъ στοὰ βασιλέως», водворяется на свое мѣсто

¹⁴⁰) Michel le Syrien. Chronique IX 7. Ed. *J. B. Chabot* II 2, p. 154, суг. 256. Cf. *Var-Hebraei Chronicon Syriacum*, ed. *Brunns et Kirsch* (Leipzig 1789) p. 77. Впрочемъ, выраженіе δὲ υαλφιν σηργα можетъ обозначать не только „изучающихъ Свящ. Писаніе“ (какъ въ ср. текстѣ 2 Тим. III 15), но также и „обучающихся грамотѣ“ (*Payne Smith*, *Thesaurus Syriacus*, col. 2708). Однако, въ данномъ случаѣ послѣднее пониманіе едва ли возможно, во-первыхъ потому, что казнь малолѣтнихъ школьникѣвъ представляется явленіемъ мало вѣроятнымъ; во-вторыхъ потому, что имп. Анастасій, человѣкъ безупречный по своимъ внѣшнимъ и житейскимъ качествамъ, всего естественнѣе могъ „подвергнуться насмѣшкамъ“ со стороны богослововъ за свои неудачныя выступленія съ догматствованіемъ: извѣстно, что патриархъ Евимій грозилъ будущему царю, „если не перестанетъ [богословствовать], остричь его голову и демонстрировать (φραζεῖσθαι) въ такомъ видѣ предъ толпой“ (*Theoph. Chronogr.* ed. *Bonn.* p. 208).

¹⁴¹) *H. Usener*. De Stephano Alexandrino (Index scholarum in Universitate Frid. Guil. Rhenana, Bonnæ 1879) p. 3—4. Cf. *Schemmel*. Die Hochschule von Constantinopel vom V bis IX Jahrh (Berlin 1912) S. 9. Впрочемъ, хронологія не вполне устойчива. См. *Krumbacher*. Geschichte d. Byz. Litteratur, 2 Aufl., S. 583.

¹⁴²) Ananias of Shirak (a. D. 600—650 c.), translated from the Armenian by *E. C. Conybeare*. *Byzantinische Zeitschrift* VI 3—4 (1897), S. 572—573.

«въ царскія палаты» (πρὸς τὰ βασιλείων τεμένη) ¹⁴³); въ то же время изъ Александріи вызванъ новыи οἰκουμενικὸς διδάσκαλος, называемый иначе еще καθολικὸς διδάσκαλος, философъ Стефанъ ¹⁴⁴). Такимъ образомъ фактъ существованія въ Константинополѣ богословской школы можно считать установленнымъ съ конца V вѣка. Но весьма вѣроятно, что школа въ στοὰ βασιλική стала богословскою и церковною значительно ранѣе, а именно съ того момента, когда въ константинопольскомъ Капитоліи основана была параллельная свѣтская школа (auditorium) ¹⁴⁵). Изъ указовъ Θεодосія II, относящихся къ 425 г., видно, что въ этой новой школѣ была учреждена 31 каеэдра, при чемъ онѣ подѣлены были между 20 грамматиками (10 греческими и 10 латинскими), 8 риторами (5 греческими и 3 латинскими), двумя юристами и однимъ философомъ, которые получали содержаніе отъ казны ¹⁴⁶). Хотя категорическое утвержденіе, что богословіе было «исключено» изъ программы Капитолійской школы ¹⁴⁷), не имѣетъ за себя вполнѣ твердыхъ основаній ¹⁴⁸), тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эта школа носила преимущественный свѣтскій характеръ и была непохожа на позднѣйшую богословскую школу въ στοὰ βασιλική. Такъ какъ источники настаиваютъ на непрерывномъ существованіи послѣдней школы отъ IV до VIII вѣка ¹⁴⁹), то нужно думать, что названныя двѣ школы существовали въ V—VI вв. параллельно, а отсюда естественно предполагать, что именно послѣ выдѣленія свѣтской Капитолійской школы, школа въ

¹⁴³) Theophyl Simoc. Dialogus, ed. Bonn., p. 24.

¹⁴⁴) *H. Usener*. De Stephano Alex. p. 3.

¹⁴⁵) Codex Theodosianus XV, tit. 1, l. 53.

¹⁴⁶) Ibid. XIV, tit. 9, l. 3.

¹⁴⁷) *P. Szymank*. Das Hochschulwesen im römischen Kaiserreich (Posen 1912), S. 10.

¹⁴⁸) Терминъ „философія“ въ V в. часто употреблялся уже въ специфическомъ смыслѣ христіанской философіи (ή ἀληθής φιλοσοφία Климента Ал.), и весьма возможно, что единственный положенный по штату профессоръ философіи (unus-qui philosophiae a r c a n a rimetur, Cod. Theod. XIV, 9, 3) преподавалъ въ Капитолійской школѣ, подобно Клименту Ал., σύμφωνα τὸ ἐκλεκτικὸν φιλοσοφίας подѣ богословскимъ угломъ зрѣнія.

¹⁴⁹) Theoph. Chronogr., a. 6218, ed. Bonn. p. 623. Ps.-Kodinos, ed. Bonn. p. 83. Мнѣніе *Schemmel'a* (Die Hochschule v. Konstantinopel..., Berlin 1912, S. 3, 8) о перемѣщеніи школы изъ „царскаго портика“ въ Капитолій и обратно, высказываемое, впрочемъ, не совсемъ увѣренно (S. 8), основано только на предположеніяхъ.

στοὰ βασιλικῆ получила тотъ преимущественный богословскій характеръ, какимъ несомнѣнно она отличалась позднѣе. Хронологически этотъ моментъ приблизительно совпадаетъ съ временемъ закрытія Александрійской школы, которую призвана была продолжить школа Костантинопольская.

Другой вопросъ,—когда школа получила ту организацію, которая описана у Георгія Монаха. Для рѣшенія этого вопроса можетъ имѣть значеніе слѣдующее обстоятельство. О закрытіи Капитолійской школы никакихъ свѣдѣній не имѣется; между тѣмъ въ эпоху Юстиніана всякія указанія на ея существованіе прекращаются¹⁵⁰⁾, и вмѣсто этого появляются указанія на существованіе церковной школы съ «вселенскимъ учителемъ» во главѣ¹⁵¹⁾. Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что при Юстиніанѣ произошло сліяніе Капитолійской школы съ духовною школою въ στοὰ βασιλικῆ, при чемъ средства, отпущавшіяся на первую, были перенесены на вторую, однако съ сокращеніемъ числа каедръ болѣе, чѣмъ на половину. Такая реформа соотвѣтствовала общему направленію въ развитіи образованія, которое въ VI вѣкѣ становится все болѣе и болѣе церковнымъ. Но вѣроятность ея подтверждается еще и слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, при Юстиніанѣ обнаружилась полная неудача попытки латинизировать восточную имперію¹⁵²⁾; вслѣдствіе этого многочисленныя латинскія каедръ Капитолійской школы должны были оказаться излишними, и слѣдовательно при Юстиніанѣ должна была неизбежно совершиться реформа школы въ смыслѣ сокращенія числа каедръ. Во-вторыхъ, Юстиніанъ, какъ это видно изъ многихъ источниковъ, систематически сокращалъ школьный бюджетъ и закрывалъ школы¹⁵³⁾. Въ-третьихъ, первый извѣстный намъ «вселенскій учитель» діаконъ Георгій Хировоскъ по всей вѣроятности учительствовалъ около половины VI вѣка¹⁵⁴⁾. Что касается «термина а quo» преобразованія школы, то онъ опредѣляется титуломъ οἰκουμηνικός διδάσκαλος, который несомнѣнно указывалъ на отношеніе школы

¹⁵⁰⁾ Schemmel op. cit. S. 8, cf. 7.

¹⁵¹⁾ Usener. De Stephano Alexandrino, p. 3—4. Cp. Schemmel S. 9.

¹⁵²⁾ D. C. Hesselting. Essai sur la civilization Byzantine (Paris. 1907), p. 39.

¹⁵³⁾ См. напр. Procopii Anecdota S. 150, Zonarae Annal. XIV 6, у Schemmel'a op. cit. S. 7—8.

¹⁵⁴⁾ Schemmel S. 9.

къ кафедрѣ Константинопольскаго патріарха ¹⁵⁵) и не могъ возникнуть ранѣе титула *ὀικουμενικὸς πατριάρχης*, а послѣдній становится извѣстнымъ впервые въ 518 г. ¹⁵⁶).—Таковы факты и предположенія относительно исторіи Константинопольской школы.

Что касается ея устройства, то изъ сопоставленія разсказа Георгія Монаха съ отрывочными данными предшествующаго времени можно заключать, что Константинопольская школа въ основныхъ своихъ чертахъ ¹⁵⁷) представляла дальнѣйшее развитіе типа Александрійской школы. Идея знанія цѣльнаго и всеобъемлющаго на основѣ религиозной должна была послѣдовательно привести къ принятію въ программу богословской школы всей суммы знаній, другими словами, должна была привести къ поглощенію свѣтской школы духовною. Это мы и видимъ въ Константинопольской школѣ. Рядомъ съ богословіемъ въ ней преподается все знаніе» (*πᾶσα ἐπιστήμη*) и «какая угодно наука» (*ὅποιανοῦν παιδεία*) ¹⁵⁸). Въ частности, кромѣ наукъ Александрійской школы здѣсь, вѣроятно, включены были въ программу риторика и грамматика ¹⁵⁹). Первая измѣнила теперь свой безпринципный софистическій характеръ, который производилъ отталкивающее впечатлѣніе на Климента Ал., и подчинилась христіанству: знаменитые ритори Газской школы V вѣка, кромѣ прямыхъ своихъ занятій, много интересовались богословіемъ и писали экзегетическія и догматическія сочиненія ¹⁶⁰). Тотъ же характеръ носила и

¹⁵⁵) См. *A. Heisenberg*, рецензія на брошюру *Schemmel'a* въ *Byzantin. Zeitschrift* XXI 3—4 (Leipz. 1913), S. 631. *Usener* op. cit. p. 5.

¹⁵⁶) *H. Gelzer*. Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen. *Jahrbücher für protestantische Theologie*, Jahrg. XIII (1887), Heft 4, S. 568.

¹⁵⁷) Въ подробностяхъ не исключаются, конечно, и существенныя различія Константинопольской школы отъ Александрійской: они должны были обуславливаться, во-первыхъ, общимъ упадкомъ богословской науки и духовнаго просвѣщенія съ пол. V в., во-вторыхъ вліяніемъ со стороны школы восточнаго типа, которое было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что въ общемъ культурномъ развитіи Восточной имперіи отъ эллинизма къ византизму восточно-семитическія вліянія были однимъ изъ основныхъ факторовъ. Однако, ближайшее изслѣдованіе этихъ различій не входитъ въ нашу задачу.

¹⁵⁸) *Jo. Zonar.* XV 3, *Anonym.* у *Савы* VII 123.

¹⁵⁹) Cf. *Vita Maximi Confessoris*, *Migne* gr. 90, с. 69. См. также о трудахъ „вселенскихъ учителей“ Георгія и Стефана у *Krumbacher'a* *Gesch. d. Byz. Lit.* 2 Aufl., S. 583—584, 624, 430, 614.

¹⁶⁰) *Kil. Seitz*. Die Schule von Gaza. Heidelberg 1892. S. 18 ff.

грамматика, введенная впервые въ курсъ высшей школы ок. IV вѣка: Георгій Хировоскъ, по специальности грамматикъ, занимался толкованіемъ Св. Писанія ¹⁶¹). Кромѣ того, въ программу включено было несомнѣнно и право, когда юридическая школа Юстиніана около начала VII вѣка прекратила существованіе ¹⁶²). Наболѣе существенная перемѣна должна была произойти въ постановкѣ философіи, такъ какъ въ VI в. старый авторитетъ Платонъ, не безъ вліянія со стороны востока, долженъ былъ уступить свое первенство Аристотелю ¹⁶³). Напротивъ въ постановкѣ богословія и здѣсь, какъ въ Александріи, преобладаетъ система и умозрѣніе: изучаются «церковные догматы» ¹⁶⁴); самое богословіе носить прежнія названія «гносиса» и «философія» κατ'ἑξοχήν ¹⁶⁵), единственной теперь философіи, рядомъ съ которой немислимы никакія другія системы. Именемъ философіи называется и вся совокупность знаній, проникнутыхъ умозрительно-богословскимъ характеромъ, и соответствующее высшему знанію поведеніе ¹⁶⁶).— Доминирующее положеніе церковнаго начала отражается и на внѣшней организаціи школы: школа помѣщается въ στοὰ βασιλική ¹⁶⁷) и содержится на средства государства ¹⁶⁸), тѣмъ не менѣе она состоитъ въ управленіи патріарха ¹⁶⁹) и сохраняетъ вполне церковный характеръ, выражающійся въ самомъ числѣ учителей, — 1 διδασκαλὴ и 12 σολλήγοροις по числу 12 апостоловъ ¹⁷⁰)!

¹⁶¹) *Krumbacher* op. cit. S. 584. Cf. *Rauschen*, Das griechisch-römische Schulwesen S. 48.

¹⁶²) *L. Laborde*. Les écoles de droit dans l'Empire d'Orient. Bordeaux 1912. P. 135, 137, cf. 93.

¹⁶³) *Usener*, цит. соч. p. 6. *Krumbacher* S 430, 621. Cf. *Loofs*, *Leontius von Byzanz*, Leipzig 1887, S. 60.

¹⁶⁴) *Georg. Mon*, ed. Boor, II p. 742.

¹⁶⁵) *Ibid.* p. 742 fin. *Vita Maximi*, *Migne* t. 90, c. 69.

¹⁶⁶) *Theophyl. Simoc. Dialog.* ed. Bonn. p. 24, ср. 23: „φιλοσοφία πάντων βασιλεία“. *Vita Max.* I. c. 69.

¹⁶⁷) Топографическія опредѣленія: στοὰ βασιλική (*Socr.* III 11, τὰ βασιλέων τεμένη или τὰ βασιλεία (*Simoc.* p. 24), the royal court (*Ananias of Shirak* op. cit. p. 573), πλάτιον πλῆσιον τῶν χαλκοκρατειῶν — — — πρὸς τῇ βασιλικῇ κινετέρῃ (*Georg. Mon.* II. 742) представляются если не отождествимыми, то весьма близкими. Ср. *III. Диль*. Юстиніанъ и Византійская цивилизація въ VI в., Спб. 1908, стр. 79 слѣд.

¹⁶⁸) Сомнѣніе, высказываемое по этому поводу *Laborde*'омъ (*Les écoles de droit*, Bordeaux 1912, p. 137 n. 2), въ виду яснаго свидѣтельства *Georgія М.* о „царскихъ дѣтахъ“ (I. c. II 742), представляется непонятнымъ.

¹⁶⁹) *Ananias of Shirak* I. c. p. 573.

¹⁷⁰) *Georg. Mon.* II 742.

Источники не даютъ достаточныхъ указаній, насколько богословская школа александрійско-константинопольскаго типа была распространена въ другихъ греческихъ городахъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя случайныя извѣстія показываютъ, что тамъ, гдѣ были на лицо научныя силы для открытія высшей школы, послѣдняя у грековъ всегда принимала тотъ же самый характеръ, открывалась ли она при епископскихъ кафедрахъ, монастыряхъ, или церквахъ. Для примѣра можно указать на случайное показаніе Ананіи Ширакванци относительно школы Тихика въ Трапезунтѣ. Школа состоитъ при церкви св. Евгеніи. При ней есть бібліотека «изъ книгъ церковныхъ, и языческихъ, научныхъ и историческихъ, медицинскихъ и хронологическихъ». Философъ, получившій образованіе въ Аѳонахъ,—Тихикъ, кромѣ богословія и своей спеціальности, преподаетъ еще «искусство математики»¹⁷¹).

Изъ всего сказаннаго видно, что греческій типъ высшей духовной школы былъ достаточно опредѣленнымъ и устойчивымъ, и его легко можно бы прослѣдить до самаго конца Византійской эпохи, что, однако, не входитъ въ нашу задачу *).

А. Дьяконовъ.

¹⁷¹) Ananias of Shirak, p. 573—574.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Типы высшей богословской школы въ древней церкви III—VI вв. *).

II.

АРУГОЙ типъ представляла школа, созданная на далекомъ за-евфратскомъ востокѣ сирійцами. Эта семитическая нація по своему духовному складу довольно рѣзко отличалась отъ арійцевъ-грековъ. Если грекъ тяготѣлъ къ синтезу и умозрѣнію, то сиріецъ обнаруживалъ особенную склонность и способность къ позитивному, аналитическому мышленію ¹⁷²). Въ этомъ отличіи сиріецъ не усматривалъ, однако, своей «посредственности» ¹⁷³), потому что превосходство ума онъ цѣнилъ далеко не такъ высоко, какъ эллинь. Для сирійца на первомъ мѣстѣ стояли интересы нравственнаго и практическаго характера ¹⁷⁴), и эту область интересовъ онъ не рѣшался подчинять руководству ума, какъ эллинь, а искалъ для нея болѣе прочной опоры въ авторитетѣ; потому и апостоль сказалъ: «іудее знаменія просяť, и эллины премудрости ищутъ» (I Кор. I 22) ¹⁷⁵). Подобно іудеямъ, сирійцы искали авторитета въ преданіи ¹⁷⁶). Въ связи съ этимъ складывалось и различное отношеніе къ міру и мірской культурѣ: въ то время какъ грекъ стремился въ единомъ религі-

*) Окончаніе. См. апрѣль.

¹⁷²) *Th. Nöldeke*, *Orientalische Skizzen*, Berlin 1892, S. 16—17.

¹⁷³) *E. Renan*, *De philosophia peripatetica apud Syros*, Paris 1852, p. 3.

¹⁷⁴) *B. Strassburger*, *Geschichte der Erziehung und Unterrichts bei den Israeliten*, Stuttgart 1885, S. 34. *Nöldeke*, цит. соч. S. 6—7.

¹⁷⁵) Ср. *Clement. Alex. Strom.* I 2, *Migne* t. VIII c. 712.

¹⁷⁶) Ср. *А. Дьяконовъ*. *Іоаннъ Ефесскій*, СПБ. 1908, стр. 19, 20.

озномъ синтезѣ обнять все сущее, ибо «Господня земля и исполненіе ея вселенная!» (Пс. 231)—воскликатель Климентъ Ал.¹⁷⁷⁾, сиріецъ проводилъ рѣзкую грань между Божіимъ и человѣческимъ, между религіей и культурой¹⁷⁸⁾. Отсюда понятно, что у сирійца не могло быть положительнаго отношенія къ богатой умственной культурѣ грековъ, ибо она была для него не только чужой, но и чуждой по своему характеру и содержанію.—Когда говорятъ объ отношеніи древней церкви къ античной образованности, чаще всего отстаиваютъ такое обобщеніе, что на востокѣ отношеніе было положительное, а на западѣ отрицательное; но при этомъ всегда приходится дѣлать весьма существенныя оговорки¹⁷⁹⁾. Послѣднія были бы излишни, если бы кромѣ западной линіи раздѣленія по данному вопросу была принята еще болѣе важная—восточная. Первые и самыя энергичныя возраженія противъ греческой образованности были высказаны во II в. лицами, по происхожденію принадлежавшими сирійскому востоку, какъ Татіанъ и Теофилъ Антиохійскій¹⁸⁰⁾. Это отношеніе по существу не измѣнилось и впоследствии, хотя догматическіе споры, вынесенные греками на философскую почву, заставляли иногда сирійцевъ браться за чуждое имъ оружіе. Въ такомъ случаѣ они искали въ философіи не идей, а діалектическихъ методовъ, и потому своимъ философскимъ авторитетомъ они избрали, въ противоположность александрійцамъ, Аристотеля, который болѣе соотвѣтствовалъ ихъ характеру и своимъ трезвымъ реализмомъ. Но и подобные примѣры были среди сирійцевъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Огромное большинство сирійцевъ, и въ особенности монашество, смотрѣло на занятія эллинской наукой, какъ на языческое суевѣріе¹⁸¹⁾.—Въ результатъ всего этого и въ устройствѣ сирійской школы мы видимъ черты, рѣзко отличающія ее отъ греческаго типа, а именно: идея цѣльнаго знанія, включающаго въ себя мірскія эллинскія на-

¹⁷⁷⁾ Strom. VI 11, Migne IX с. 309; VI 17, с. 393

¹⁷⁸⁾ Дьяконовъ цит. соч. 18, 21.

¹⁷⁹⁾ Напр. II. Смирновъ, Святоотеческое воззрѣніе на значеніе научнаго и философскаго образованія, въ жур. „Вѣра и Разумъ“ 1898, № 12, стр. 746—747, и многіе другіе; въ болѣе осторожной формѣ—Вильманъ, цит. соч. т. I, стр. 252, 256.

¹⁸⁰⁾ O. Bardenhewer, Geschichte der altkirchlichen Litteratur, B. I, Freiburg i/B 1902, S. 242, 283.

¹⁸¹⁾ Дьяконовъ, цит. соч. 18.

уки, здѣсь устраняется, и слѣдовательно школа получаетъ узко-спеціальный богословскій характеръ; умозрительное и систематическое богословіе почти отсутствуетъ, и все вниманіе направляется на тщательное изученіе Св. Писанія по историко-грамматическому методу подъ руководствомъ опредѣленныхъ авторитетовъ; настойчиво выдвигается практическая, профессиональная цѣль школы; наконецъ, воспитаніе, нераздѣльно связанное съ образованіемъ въ греческой школѣ, здѣсь получаетъ форму особой дисциплинарной системы. Главнѣйшія изъ этихъ особенностей, а равно и нѣкоторыя другія подробности школьнаго устройства, сближаютъ сирійскую богословскую школу съ іудейской школой типа beth-hammidrash или beth-vaad, влияніе которой въ виду національной и географической близости сирійцевъ къ евреямъ является вполне понятнымъ ¹⁸²).

Образцомъ сирійской богословской школы была школа Эдесско-Низибійская, которая для сирійскаго востока имѣла такое же значеніе, какъ Александрійское *δαδασκαλείον* для востока греческаго. Основанная сначала въ Эдессѣ, школа была перенесена потомъ въ болѣе восточный городъ Нессибинъ или, какъ мы привыкли произносить, «Низибію». Эти географическія опредѣленія не случайны и не безразличны. Эдесса была главнымъ центромъ сирійскаго христіанства и чистой сирійской культуры, которая господствовала на востокъ за-евфратскомъ, тогда какъ ближняя до-евфратская область, имѣвшая центромъ Антиохію, была болѣе или менѣе эллинизована ¹⁸³). Что касается Низибіи, то этотъ городъ, находившійся съ 363 г. за границей Имперіи, служилъ точкою опоры для сирійцевъ, жившихъ въ предѣлахъ Персидской монархіи. Огромное значеніе, которое имѣла Эдесско-Низибійская школа не только для востока, но и для латинскаго запада, было извѣстно давно, но представленія о ея характерѣ до послѣдняго времени были довольно смутны: обычно считали ее простымъ сколкомъ съ Александрійской школы ¹⁸⁴). Только въ недавнее

¹⁸²) Ср. проф. *Н. К. Маккавейскій*, Воспитаніе у древнихъ евреевъ, Киевъ 1903, стр. 67 слѣд. *Strassburger*, Geschichte d. Erziehung bei den Israeliten., S. 63.

¹⁸³) *R. Duval*. La littérature Syriacque. 3 ed. Paris 1907. P. 4—5.

¹⁸⁴) *В. Преображенскій*, Восточныя и западныя школы стр. 324; *J. A. Lalanne*, Influence des pères de l' Eglise sur l'éducation publique, Paris 1850, p. 30 и друг.

сравнительно время вновь открытые сирійскіе источники пролили надлежащій свѣтъ на ея исторію и устройство.

Для исторіи школы много даетъ недавно изданное сирійское сочиненіе конца VI в. (между 581—604 гг.), посвященное спеціально разсказу «объ основаніи школѣ» и принадлежащее перу одного изъ учениковъ Низибійской школы Бархадбешаббы Арбай еп. Халванскаго (въ Персіи) ¹⁸⁵). Подобно александрійцамъ, приписывавшимъ основаніе своей школы св. Марку, сирійцы считали основателемъ Эдесской школы пресвѣтителя Месопотаміи св. ан. Фалдея, или, какъ они называли его, Аддая ¹⁸⁶; но опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о судьбѣ школы до 2-й половины IV вѣка не имѣется. Есть только одно житійное сказаніе, что извѣстный пресв. Лукіанъ—основатель Антиохійской школы—учился въ Эдессѣ у нѣкаго Макарія, который занимался толкованіемъ Св. Писанія ¹⁸⁷); отсюда можно заключать, что во второй пол. III в. школа уже существовала. Въ 363 г. учителемъ школы сталъ св. Ефремъ Сиринъ, переселившійся въ Эдессу изъ Низибіи, послѣ того какъ послѣдняя отошла къ Персіи ¹⁸⁸). Съ этого времени Бархадбешабба даетъ полный и точный списокъ начальниковъ Эдесско-Низибійской школы вплоть до конца VI в. ¹⁸⁹). Послѣ 3-го всел. собора въ школѣ начали развиваться несторіанскія тенденціи, особенно вслѣдствіе вліянія извѣстнаго Эдесскаго епископа Ибы (435—449, 451—457 г.). На этой почвѣ послѣ смерти Ибы (457 г.) между «братіей» школы произошло раздѣленіе, при чемъ сторонники Ибы, вмѣстѣ съ начальникомъ школы маръ-Нарсаемъ, должны были

¹⁸⁵) Mar Barchad̄šabba 'Arbaya Cause de la fondation des écoles, texte syriaque publié et traduit par M. Addai Scher („Patrologia Orientalis“ ed. p. Graffin et Nau, tom. IV fasc. 4), Paris 1907, p. 323.

¹⁸⁶) Ibid. p. 382

¹⁸⁷) I. S. Assemani Bibliotheca Orientalis, t. III 2 (Romae 1728), p. 924.

¹⁸⁸) Barchad̄šabba p. 381. Св. Ефремъ также называется здѣсь учредителемъ школы („онъ устроилъ тамъ [въ Эдессѣ] великое собраніе школы“),—очевидно, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при авторѣ, т. е. въ видѣ „собранія“ (кпо̄ѣа) или общежитія (см. ниже).

¹⁸⁹) Вотъ этотъ списокъ: св. Ефремъ (363—373), Кіора [или Киръ] (373—437), Нарсай (437—457 въ Эдессѣ и въ Низибіи 457—502), Елисей (502—509), Авраамъ изъ Beth-Rabban (509—569), Ишоабъ (569—571), Авраамъ Низибійскій (571—572), Хнана изъ Адиабены (современникъ автора).

удалиться из Эдессы ¹⁹⁰). После этого Эдесская школа существовала до 489 г., когда была разрушена по приказанию императора Зинона, сочувствовавшего, какъ извѣстно, монофиситству ¹⁹¹). Что касается Нарсаи, то онъ удалился въ Низибию, гдѣ епископомъ былъ его товарищъ по Эдесской школѣ извѣстный Баръ-Саума, и здѣсь основалъ новую школу, организованную по образцу Эдесской ¹⁹²). Эдесская школа называется иногда «школою персовъ» ¹⁹³), но это не значитъ, что она была назначена для обученія только персовъ: называющіе ее такимъ образомъ православные и монофиситскіе авторы имѣютъ въ виду позднѣйшее ея уклоненіе въ несторіанство, которое называлось вѣрою персовъ, потому что принималось христианами, жившими въ предѣлахъ Персіи ¹⁹⁴). Такова въ краткихъ чертахъ исторія школы.

Относительно ея устройства подробныя свѣдѣнія сообщаетъ открытый и изданный проф. Гвиди уставъ Низибійской школы. Последняя редакція этого устава относится къ 602 г., но она включаетъ въ себя нѣликомъ болѣе древнюю редакцію 496 г., которая въ свою очередь ссылается на утраченный уставъ 457 г. ¹⁹⁵). Такимъ образомъ Низибійскій уставъ является древнѣйшимъ уставомъ духовной школы. При оцѣнкѣ этого документа нельзя, конечно, забывать, что его происхождение относится къ тому времени, когда школа стала уже несторіанской. Это обстоятельство должно было отразиться нѣкоторымъ образомъ на особенностяхъ «восточныхъ» особенностей, развитіемъ крайностей, которыхъ несомнѣнно чужда была православная Эдесская школа. Однако, основныя черты восточнаго типа, выраженыя

¹⁹⁰) Simeon Beth-Arsamensis, De Barsauma ep. Nisibeno. *Assemani Bibliotheca Orientalis*, t. I 353, cf. 351—352. Barchadbsabba p. 384.

¹⁹¹) *Chronic. Edessen.* № 73, ed. Hallier (*Texte u. Untersuchungen v. Gebhardt u. Harnack IX 1*, Leipz. 1892) S. 117. Theodori Lectoris hist. eccles. fragm. lib. II, *Migne* t. 86 c. 185.

¹⁹²) Barchadbsabba p. 386.

¹⁹³) Theod. Lect. l. c., Chron. Edess. l. c., Simeon Beth-Arsam. y *Assem.* [351 и др

¹⁹⁴) Ср. *H. Kihn*. Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus als Exegeten, Freiburg i/B 1880, S. 259.

¹⁹⁵) *I. Guidi*. Gli statuti della scuola di Nisibi, въ „Giornale della Societa Asiatica Italiana“ vol. IV (1890), p. 169—195. Нѣмецкій переводъ *E. Nestle* въ *Zeitschrift f. Kirchengeschichte V. VII* (1897), H. 2, S. 214—229. Въ дальнѣйшемъ цитированіи „статутовъ“ римскою цифрѣю (I, II) будутъ обозначаться № редакціи, арабскою—№ правила.

въ Низибійскомъ уставѣ, можно распространять и на древнѣйшій Эдесскій періодъ существованія школы, не только въ виду свойственнаго Низибійской школѣ традиціонизма, приверженности къ старымъ формамъ, но и потому, что свѣдѣнія Бархадбешаббы, относящіяся къ концу IV-го и началу V-го вѣка. вполне совпадаютъ съ той картиной школьнаго устройства, какую изображаетъ уставъ ¹⁹⁶).

Уже съ внѣшней стороны Эдесско-Низибійская школа отличается отъ Александрійской своей стройной и довольно сложной организаціей. — Школа (*eskolá-σχολή*) имѣетъ видъ корпораціи (*knošya-conventus, συναγωγή*), всѣ члены которой, за рѣдкими исключеніями, живутъ въ школьномъ зданіи, въ особыхъ келліяхъ по нѣскольку человѣкъ въ каждой, и называются «братіей» (*achè*) ¹⁹⁷). Тѣмъ не менѣе это—не монастырь, ибо уставъ прямо говоритъ братіи: «кто хочетъ болѣе совершенной жизни, пусть идетъ въ монастырь или въ пустыню» ¹⁹⁸). Въ составъ «братіи» входятъ люди всякаго званія и возраста: и пресвитеры, и міряне, и молодые, и старые ¹⁹⁹). Количество ихъ въ VI в., если вѣрить позднѣйшимъ источникамъ, доходило до 800 и даже до 1000 ²⁰⁰). Во главѣ братіи стоитъ главный учитель—эзегетъ (*m^epašqana*), носящій почетное званіе «*gabban*» («учитель нашъ») ²⁰¹). За нимъ слѣдуютъ два учителя второго ранга и «начальникъ дома» (*gabbautha*), въ лицѣ котораго совмѣщаются функціи инспектора, эконома и библіотекаря ²⁰²). Вся братія распадается на два неравныхъ разряда: большинство составляютъ ученики въ собственномъ смыслѣ (*eskolaye*) ²⁰³); меньшинство составляютъ прошедшіе уже

¹⁹⁶) Barchadbsabba p. 331—383. Разница касается не существа дѣла, а большей сложности въ организаціи Низибійской школы, каковая сложность объяснялась естественнымъ развитіемъ школы въ теченіе столѣтій между св. Ефремомъ и первой извѣстной намъ редакціей устава.

¹⁹⁷) Stat. I 10, II 2, 9. Разрѣшеніе жить въ городѣ давалось только въ случаѣ недостатка мѣстъ въ общежитіи (II 2).

¹⁹⁸) Stat. II 3. Мнѣніе Шабб, что школа устроена была въ монастырѣ, очевидно, этимъ правиломъ устраняется. *J. B. Chabot* L'école de Nisibe, son histoire, ses statuts, въ „Journal Asiatique“ 1896, 9 e série, t. VIII, p. 63.

¹⁹⁹) Stat. I 9, II 12.

²⁰⁰) Amru y *Assem.* Bibl. Orient. III p. 81. Cf. „Chronique de Seert“ (XIII в.), publ. par A. Scher, „Patrologia Orientalis“ t. VII 2 (Paris 1909). cap. IX; p. 116.

²⁰¹) Stat. I 1; I append. *Guidi* p. 188, *Nestle* 224; II append. *Guidi* p. 195, *Nestle* 229.

²⁰²) Stat. I 2, I 14, II 1.

²⁰³) Stat. I 8, II 14

школьный курсъ и получившіе ученую степень badoqé—«исслѣдователей» или «докторовъ»²⁰⁴),—они служатъ, вѣроятно, помощниками учителей въ преподаваніи, подобно еврейскимъ shakhamim, сидѣвшимъ у самой кафедры abbethdin'a въ beth-hammidrash²⁰⁵). Они же, повидимому, состоятъ и «начальниками келлій» (rišay qelyatha) и въ этомъ званіи являются помощниками «начальника дома» (раббайты)²⁰⁶). Кромѣ того вмѣстѣ съ учителями они составляютъ коллегіальный органъ управленія, которому предоставлены большія полномочія, а именно: избраніе «начальника дома», которое производится ежегодно, рѣшеніе важныхъ дисциплинарныхъ дѣлъ и выработка устава школы²⁰⁷). Высшее управленіе школой несомнѣнно принадлежало епископу, хотя по этому вопросу и высказано было обратное сужденіе²⁰⁸). Это видно изъ того, что епископы утверждали уставъ школы во всѣхъ его редакціяхъ, разбирали внутреннія несогласія среди братіи и, вѣроятно, назначали учителей, по крайней мѣрѣ раббана, объ избраніи котораго

²⁰⁴) Stat. I praefatio, *Guidi* p. 169, *Nestle* 212; II, praef., *Guidi* 189, *Nestle* 225. Они называются также „извѣстнѣйшими и знатными братьями“ (achê idi'ê, qrichê). Stat. I praef. I. c., I 2, II append. G. 195, N. 229.

²⁰⁵) Cf. Stat. I 20. Проф. *Н. К. Маккавейскій*, Воспитаніе у древнихъ евреевъ, Кіевъ 1903, стр. 68.

²⁰⁶) Stat. II 5, I 2.

²⁰⁷) Stat. I 1; I 2, I 21; I praef. G. 174, N. 215. Возможно, что избраніе раббайты производилось собраніемъ „всей братіи“ (I 1), такъ какъ ему передавались взносы на содержаніе, и поручалось веденіе общаго хозяйства (I 2).

²⁰⁸) *Chabot*, L'école de Nisibe, Journ. As. l. c. p. 76—77. *J. Labourt*, Le christianisme dans l'empire Perse, Paris 1904, p. 296. Основаніемъ для сужденія оба автономности школы можетъ служить только право избранія раббайты (I 1) и запрещеніе ученикамъ школы искать „защиты и покровительства у клирика или мірянина“ для того, чтобы избавиться отъ наказанія, наложеннаго раббайтою и собраніемъ старшихъ (Stat. I 21, cf. I praef. G. 179, N. 219). Но первый фактъ вытекалъ исключительно изъ соображеній экономическихъ, къ которымъ сирійцы, какъ восточные люди, были особенно чувствительны (см. напр. Stat. I 6, cf. *Chabot* l. c. p. 71), и ни о какихъ другихъ выборахъ въ уставѣ рѣчи нѣтъ. Второй фактъ ограждалъ школьную администрацію отъ давленія со стороны лицъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ школѣ, и, можетъ быть, предупреждалъ непосредственное обращеніе учениковъ къ суду епископа помимо ближайшаго начальства; но онъ не исключалъ вмѣшательства епископа во внутреннія дѣла школы (St. I praef.) и даже не исключалъ обращенія учениковъ къ суду свѣтскому, съ разрѣшенія, однако, школьной администраціи (St. I 12).

школою нѣтъ никакихъ указаній ²⁰⁹). Далѣе, извѣстно, что епископы Иба Эдесскій и Барсаума Низибійскій имѣли на школу огромное вліяніе ²¹⁹). Наконецъ, и въ Эдессѣ, и въ Низибіи школа помѣщалась въ самомъ городѣ, близъ епископской каѳедры ²¹¹). Отъ епископской каѳедры школа несомнѣнно получала и средства содержанія. По крайней мѣрѣ изъ устава видно, что обученіе въ школѣ было бесплатнымъ, между тѣмъ учителя получали жалованье, и даже бѣднѣйшіе изъ учениковъ получали пособіе на свое содержаніе ²¹²). Другихъ источниковъ, помимо церковныхъ, школа имѣть не могла, и потому еп. Барсаума, приглашая раббана Нарсая основать школу въ Низибіи, обязался «снабдить ее всѣмъ необходимымъ» ²¹³).

Такимъ образомъ Эдесско-Низибійская школа была школою церковною, какъ и Александрійская. Но въ отличіе отъ послѣдней, она преслѣдовала не общія религіозно-просвѣтительныя, а практическія профессиональныя цѣли; онѣ заключались въ приготовленіи достойныхъ членовъ клира и школьныхъ учителей. Послѣдняя цѣль подчеркнута въ уставѣ особенно энергично: окончившіе курсъ ученики получали отъ раббана назначеніе на учительскія мѣста въ опредѣленныя школы и обязаны были принимать назначеніе подъ угрозой позорнаго изгнанія изъ школы и изъ самага города ²¹⁴). Тенденцію къ широкому развитію школьнаго дѣла сирійцы унаслѣдовали, очевидно, отъ іудейской традиціи: согласно послѣдней, «всякій городъ, въ которомъ нѣтъ школы, долженъ подлежать разрушенію» ²¹⁵). Такова была организація школы.

Относительно учебной части свѣдѣнія устава гораздо бѣднѣе, тѣмъ не менѣе они достаточно характерны для школы восточнаго

²⁰⁹) Stat. I praef. G. 172—174, N. 214—215, cf. II app. G. 195, N. 229. Въ разсказѣ Бархадбѣшаббы о замѣстителяхъ Кіоры (р. 383) можно еще усматривать нѣкоторое указаніе, хотя не вполне твердое, на избраніе двухъ второстепенныхъ учителей, но изъ того, что братія „просила“ Нарсая принять должность раббана, не слѣдуетъ, конечно, что она его избирала.

²¹⁰) Simeon Beth-Aršam. у *Assem.* I 351—352.

²¹¹) Barchadbšabba р. 384. О мѣстоположеніи Эдесской школы, слѣды которой указываются доселѣ, см. *E. Sachau*, *Reise in Syrien und Mesopotamien*, Leipzig 1883, S. 197.

²¹²) Stat. I 20; II 3, II 1, cf. I 2.

²¹³) Barchadbšabba р. 384, cf. 386.

²¹⁴) Stat. II 7.

²¹⁵) *B. Strassburger*. *Geschichte der Erziehung und Unterrichts bei den Israeliten*, Stuttgart 1885, S. 34.

типа.—Программа школы определяется пзъ названій учителей и отчасти отъ усвояемыхъ изъ функций. Первый учитель, онъ же и «раббанъ», называется «толкователемъ» (m^erašqana), разумѣется, Св. Писанія ²¹⁶). Второй — «учитель произношенія» (maḡḡayana); онъ преподааетъ искусство вокализации и пунктуации текста Св. Писанія, т. е. сирийскую масору, вѣроятно, въ связи съ грамматикой ²¹⁷). Третій учитель называется «учи-

²¹⁶) Stat. I 1, cf. I append G 188, N. 224.

²¹⁷) Значеніе термина maḡḡayana, впрочемъ, далеко не устойчиво. Онъ имѣетъ собственно два смысла: „заставляющій размышлять“ (увѣщатель или ораторъ) и „дѣлающій слогъ“ (т. е. прибавляющій гласный звукъ къ согласному, а также и самый гласный звукъ). См. *Payne-Smith*, Thesaurus Syriacus с. 967. Поэтому ученые комментаторы относящихся сюда мѣстъ Низибійскаго устава и сочиненія Бархадбешаббы (*Nestle* Die Statuten v. Nisib. S. 212, 223, 224; *Chabot* L'école de Nis. p. 65; cf. *Labourt* Le christianisme Perse p. 297; *Chabot* Narsai le docteur et les origines de l'école de Nisibe, extrait du Journ. Asiat. 19⁰⁵, Paris 1905, p. 6; *A. Scher* въ изд. Бархадбешаббы p. 399) колеблются между двумя толкованіями названнаго термина, въ смыслъ обученія масоретскому искусству („lire correctement“, „Leselehrer“, „Buchstabiermeister“), или въ смыслъ преподаванія гомилетики („la rhétorique“, „l'éloquence sacrée“, „Meditationsmeister“), хотя, за исключеніемъ Scher'a, склоняются болѣе къ первому толкованію. Тѣмъ не менѣе и Scher, склонный вообще преувеличивать широту Низибійской школьной программы (ср. p. 398—399 о badocq), считаетъ нужнымъ оговориться, что этотъ „учитель элоквиціи“ могъ преподавать лишь „элементарныя свѣдѣнія“ и именно „разъяснять слова, такъ какъ могло существовать большое различіе между сирийскимъ разговорнымъ языкомъ и литературнымъ“ (p. 399). Но въ такомъ случаѣ оба значенія термина „маггеяна“ оказываются почти тождественными, тѣмъ болѣе, что сирийскія масореты были до извѣстной степени и риторомъ: онъ не только преподавалъ искусство вокализации и пунктуации текста, но также училъ „выдѣлять предложенія въ различныхъ фразахъ, возвышать и понижать голосъ, принимая разныя интонаціи, какихъ требовать смыслъ“ (*A. Scher* p. 398). Въ пользу гомилетическаго смысла разсматриваемаго термина могли бы говорить два обстоятельства. Во-первыхъ, у Бархадбешаббы maḡḡayanutha соединяется, повидимому, съ amurutha sermo (p. 383; *Chabot*, впрочемъ, предпочитаетъ читать zamurutha-ars m^erašqana, Narsai p. 6). Но этотъ терминъ часто имѣетъ въ виду только внѣшнюю сторону рѣчи—dictio, ars dicendi (P-Smith, Thesaur. Syr. с. 245). Во-вторыхъ, сирийскіе масореты въ масоретскихъ рукописяхъ Св. Писанія болѣею частью носятъ названіе maḡḡayane (*R. Duval*, La littérature Syriacque, Paris 1907, p. 55), и это, повидимому, заставляеть усвоить маггеянамъ другую функцію. Но въ Низибійскомъ уставѣ макреяна приписывается несомнѣнная функція литургиста (см. слѣд. прим.) Смѣшеніе терминовъ „макреяна“ и „маггеяна“ могло объясняться тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ эти должности, близкія по су-

телемъ чтенія» (maqṛʿuana), но въ дѣйствительности ему усволяется преподаваніе науки богослуженія и церковнаго пѣнія ²¹⁸). Такимъ образомъ двѣ каѳедры относятся къ наукѣ Св. Писанія и одна—къ литургикѣ. Та же самая программа, по показанію Бархадбешаббы, была принята и въ Эдесской школѣ при первомъ преемникѣ св. Ефрема; только сначала всѣ три науки преподавались однимъ лицомъ, а въ 437 г. онѣ были раздѣлены между тремя преподавателями ²¹⁹). Но весьма вѣроятно, что эта программа принята была и при св. Ефремѣ, ибо извѣстно, что его литературная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на экзегетикѣ и гимнографіи ²²⁰).—Назван-

шеству, въ нѣкоторыхъ школахъ (можетъ быть иногда и въ Низибійской) совмѣщались иногда въ одномъ лицѣ, которое обучало правильному и выразительному чтенію какъ Св. Писанія, такъ и литургическихъ молитвословій, тѣмъ болѣе, что и въ богослуженіи чтеніе Св. Писанія несомнѣнно занимало важное мѣсто. Во всякомъ случаѣ Низибійскій уставъ, неоднократно и въ одной стереотипной формѣ перечисляющій классныя занятія учениковъ (I 8, II 5, II 15, см. ниже), не оставляетъ и намека на то, что предметомъ преподаванія могло быть „церковное краснорѣчіе“. Можно предполагать, что и упоминаемая въ уставѣ должность „писца“ (saphra) (I praef. G. 170—171, N. 215) не отдѣлялась отъ должности махгеяны, такъ какъ уроки списыванія Библии съ соотвѣтствующей пунктуацией были неразрывно связаны съ уроками вокализации (ср. Stat. I 8) Дѣйствительно, должности „писца“ и „махгеяны“ никогда не перечисляются въ уставѣ вмѣстѣ и рядомъ (см. Stat. I praef. G. 174, N. 215; cf. G. 169, N. 212).

²¹⁸) Stat. I 20, II praef. G. 183, N. 225. Уроки макреяны опредѣляются въ уставѣ слѣдующими терминами: „чтеніе хоровъ“ [или „богослужебныхъ собраній“]—soetium (qeguana de si'atha, St. 18), „чтеніе и слушаніе хоровъ“ (St. II 15) или просто „хоры“ (II 5). Въ номоканонѣ Абдишо, представляющемъ, между прочимъ, въ tract IX cap. 3 извлеченіе изъ неизвѣстной намъ редакціи Низибійскаго устава, этимъ терминамъ соотвѣтствуетъ выраженіе: „хоры вмѣстѣ съ чтеніемъ“ (si'atha 'am qeguana) разныхъ богослужебныхъ послѣдованій. A. Mai, *Scriptorum veterum nova collectio*, vol. X 2, p. 274. Откуда можно заключать, что названными выше терминами условно и сокращенно обозначалось изученіе а) богослужебнаго чтенія и б) церковнаго хороваго пѣнія. Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя свидѣтельствуютъ достаточно ясно, что макреяна преподавалъ литургику.—Тѣ же три каѳедры перечисляются и въ другихъ источникахъ, относящихся какъ къ Низибійской, такъ и къ другимъ восточнымъ школамъ. См. напр. W. Wright, *Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum*, v. I 53a (о школѣ въ Tell-Dinawad ок. 600 г.), 536 (о Низибійской школѣ ок. 615 г.).

²¹⁹) Barchadbsabba p. 383.

²²⁰) E. Nestle, *Ephrām der Syrer*, въ RE³ S. 408.

ными науками программа школы исчерпывалась, и Низибийскій уставъ не подверждаетъ давно сложившагося мнѣнія, будто въ Эдесско-Низибийской школѣ V—VI вв. преподавалась перипатетическая философія ²²¹). Тотъ фактъ, что въ V—VII вв. появились цѣлый рядъ сирійскихъ переводчиковъ и комментаторовъ Аристотеля, — фактъ, на которомъ это мнѣніе основывалось, — въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что названные переводы и комментаріи имѣли какое-либо отношеніе къ школьному преподаванію. Они были частнымъ дѣломъ немногихъ лицъ, въ большинствѣ не имѣвшихъ никакого отношенія къ Эдесско-Низибийской школѣ ²²²), хотя косвеннымъ образомъ эти частныя занятія философіей и оказали вліяніе на постановку школьнаго богословія, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Въ Низибийскомъ уставѣ можно видѣть даже опредѣленно отрицательное отношеніе къ свѣтской наукѣ. Здѣсь запрещается, между прочимъ, ученикамъ школы жить вмѣстѣ съ врачами, «дабы не читались въ одномъ [мѣстѣ], — говоритъ уставъ, — книги мірской мудрости и книги святости» ²²³). Равнымъ образомъ, ученикъ, оставившій школу для обученія врачебному искусству, не могъ быть принимаемъ обратно, еслибы пожелалъ, за рѣдкими исключеніями ²²⁴). — Такова же была и іудейская традиція, по которой школьная программа сводилась къ изученію закона, и частныя занятія греческой наукой разрѣшались только лицамъ, закончившимъ школьное образованіе, съ опредѣлившимися религиозными убѣжденіями ²²⁵).

²²¹) *E. Renan*, De philosophia peripatetica apud Syros, Paris 1852, p. 17, cf 10—12. *R. Duval*, Litter Syr.² p. 216. Наоборотъ, отрицательно относятся къ этому мнѣнію *Labourt* p. 300—301, *Chabot* L'école de Nisibe p. 65.

²²²) Ни одинъ изъ нихъ не былъ учителемъ Эдесско-Низибийской школы. Иба Эдесскій (*Assem. Bibl. Orient.* III 1, 85) былъ покровителемъ школы въ качествѣ епископа Эдесскаго, Павелъ Персъ VI в. (*Junilii Afric. Instituta regularia*, ed. *Kihn* S. 468, cf. *Labourt* op. cit. 166 ff), Аваннишо VII в. (*Duval*, Litt. Syr.³ p. 253) — учениками школы. Остальные не имѣли никакого отношенія къ школѣ. Извѣстіе Бархадбешабы (p. 387), что раббанъ Елисей (502—509 г.) былъ начитанъ „въ книгахъ церковныхъ и въ вѣшнихъ“, стоитъ одиноко и не подтверждается никакими фактами.

²²³) *Stat.* II, 19. ²²⁴) *ibid.* II 20.

²²⁵) *Strassburger*, Geschichte der Erziehung... S. 31—32, 67, 92. *Ch. Taylor*, Sayings of the Jewish Fathers (*Pirqe Aboth*), Cambridge 1897, p. 40, n. 45.

Такимъ образомъ программа школы ограничивалась предметами богословскаго курса. Но и въ этомъ послѣднемъ мы не видимъ наукъ систематическаго характера, за исключеніемъ краткаго введенія къ экзегетическому курсу. Учебникъ по этому предмету, принятый въ Низибійской школѣ со 2-ой четверти VI столѣтія и принадлежавшій перу нѣкогого Павла Перса—автора «трактата о логикѣ Аристотеля» и комментарія къ его сочиненію *περί ἑρμηνείας* ²²⁶), сохранился до настоящаго времени въ переводѣ Юнилія Африкана—современника Павла ²²⁷). Этотъ учебникъ, занимающій въ печатномъ изданіи всего 60 страницъ in 8°, содержитъ во-первыхъ общія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ и во-вторыхъ краткій очеркъ библейскаго богословія. Въ діалектическихъ раздѣленіяхъ и опредѣленіяхъ книги, а также въ ея историко-грамматическомъ направленіи можно видѣть вліяніе Аристотеля, въ особенности его сочиненія *περί ἑρμηνείας* и «введенія въ категоріи Аристотеля» Порфірія (III в.); эти два произведенія пользовались особенною извѣстностью у сирійцевъ въ V—VI вв. ²²⁸).

Въ постановкѣ богословскихъ предметовъ также можно замѣтить особенныя восточныя черты. Изъ экзегетики рѣшительно устранялись всякіе элементы умозрѣнія и аллегоріи. «Толкователь» обязанъ былъ руководствоваться при объясненіяхъ опредѣленнымъ «школьнымъ преданіемъ» (*mašmanutha deskola*) ²²⁹). Этимъ «школьнымъ преданіемъ» до пол. V в. служили толкованія св. Ефрема Сирина, который, по вѣрованію сирійцевъ, въ точности записалъ древнѣйшее устное преданіе, исходившее отъ самаго ап. Адая ²³⁰). Но около пол. V в. это древнее преданіе было замѣнено только что переведенными на сирійскій языкъ толкованіями Θεодора Молсуестійскаго, который въ качествѣ «толкователя» *κατ' ἐξοχήν* получилъ съ тѣхъ поръ безраздѣльное господство въ школѣ ²³¹) и способствовалъ уклоненію ея въ несторіанство. Оба названные авторитета указываютъ на то, что въ Эдесской школѣ

²²⁶) *Labourt, Le christianisme dans l'Empire Perse, p. 166—167. Duval, La litterature Syriaque p. 250, n. 1*

²²⁷) *Junilii Africani Instituta regularia Divinae legis, изд. у Н. Kihn'a, Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus, Freiburg 1/8 1880, S. 467—528.*

²²⁸) *Н. Kihn, цит. соч S 337—343. Duval, Litt. Syr.³ p. 248 sqq.*

²²⁹) *Barchadbšabba, ed A. Scher, p. 382.* ²³⁰) *ibid.*

²³¹) *ibid. 383.*

господствовалъ историко-грамматическій методъ толкованія, но что въ развитіи этого метода школа шла по наклонной плоскости отъ умѣренного историко-грамматическаго метода, допускавшаго на ряду съ буквальнымъ и т. н. «типическій» смыслъ ²³²), къ грубому буквализму, которымъ Θεодоръ заслужилъ справедливый упрекъ въ иудаизмъ ²³³). Что касается литургики, то ея постановка была чисто практическая и заключалась въ чтеніи и пѣніи по богослужебнымъ книгамъ, съ участіемъ въ церковномъ хорѣ ²³⁴).

Учебный курсъ былъ раздѣленъ на три года; при чемъ программа каждаго года точно опредѣлена ²³⁵) Экзегетика

²³²) *O Bardenhewer*, *Patrologie*, Freiburg i/W 1894, S. 363.

²³³) *H. Kihn*, *Die Bedeutung der Antiochenischen Schule auf dem exegetischen Gebiete*, Weissenburg 1866. S. 71.

²³⁴) См. прим. 218.

²³⁵) Дальнѣйшія свѣдѣнія объ учебномъ курсѣ школы заимствуются изъ номоканона Абдишо († 1318), гдѣ 3-ья глава IX трактата содержитъ правила „о томъ, какія книги долженъ читать каждый изъ классовъ учениковъ“, и въ числѣ правилъ имѣется „канонъ школы Низибійской“ (*Mai*, *Scriptorum veterum nova collectio*, t. X 2, p. 273—274) Среди „статутовъ“ Гвиди (подлинное названіе тамъ и здѣсь тождественное—„каноны“) „канона“ Абдишо нѣтъ. Тѣмъ не менѣе нельзя въ этомъ канонѣ видѣть практику XIV в. (какъ Labourt, цит. соч. p. 297), потому что самъ Абдишо видѣлъ въ немъ очень древнее преданіе. Это ясно изъ того, что, располагая относящіяся къ данному вопросу правила въ хронологическомъ порядкѣ, онъ помѣщаетъ „канонъ Низибійской школы“ между апостольскимъ правиломъ о канонѣ Св. книгъ и правиломъ католикоса Сабришо, относящимся къ 834 г Р X. Имѣя въ виду то обстоятельство, что уставъ Низибійской школы редактировался неоднократно, что одна изъ редакцій (древнѣйшая—Баръ-Саумы) не дошла до насъ, что могли быть, поэтому, и другія не сохранившіеся до настоящаго времени редакціи,—можно предполагать, что Абдишо воспроизводитъ одну изъ утраченныхъ теперь древнихъ редакцій, которую самъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ древнѣе IX вѣка. По внутреннимъ признакамъ „канонъ“ Абдишо вполне подходитъ къ эпохѣ „статутовъ“ Гвиди: составъ предметовъ, ихъ названія, способы обученія—тамъ и здѣсь одни и тѣ же. Что касается самаго распределенія наукъ по годамъ, которое въ „статутахъ“ Гвиди не указано, но которое, будто бы, противорѣчитъ агиографическимъ даннымъ древнѣйшей эпохи, ибо согласно имъ обученіе начиналось съ псалтири, а не съ „закона“ (*Labourt*, цит. соч. p. 298), то здѣсь нужно различать программу высшей школы отъ начальнаго обученія. Последнее, о которомъ и говорятъ указываемые *Labourt*’омъ агиографическіе источники, дѣйствительно вездѣ и всюду начиналось съ заучиванія и пѣнія псалмовъ (см. напр. *Land*, *Anecdota Syriaca*, t. II, p. 48, 136); но о началѣ высшаго курса, кромѣ „канона“ Абдишо, другихъ данныхъ не имѣется.

начиналась изученіемъ и списываніемъ «книги Павла», т. е. учебника по сагогикѣ ²³⁶). Затѣмъ слѣдовало списываніе и объясненіе всей Библии, при чемъ книги историческія и учительныя (за исключеніемъ псалтири), соединявшіяся у сирійцевъ въ одинъ отдѣлъ подъ общимъ названіемъ *beith mauthbe* («книги Судей») ²³⁷), были распределены поровну между всѣми тремя классами, а остальные книги изучались въ послѣдовательномъ порядкѣ: на первомъ курсѣ—«Законъ», т. е. Пятикнижіе, на второмъ—«Давидъ (т. е. Псалтирь) и Пророки». на третьемъ—«Новый Завѣтъ». Соотвѣтственнымъ образомъ распределены были и книги богослужебнаго круга.—Учебный методъ Эдесско-Низибійской школы существенно отличался отъ Александрійскаго. Если Климентъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ активное усвоеніе ученикомъ самой сущности преподаваемаго «знанія» и указывалъ на бесполезность «подражанія» (ибо *ἐκ μιμήσεως ἀλήθεια οὐ διδάσκειται, ἀλλ' ἐκ μαθήσεως*) ²³⁸), то здѣсь имѣлось въ виду прежде всего точное и полное усвоеніе изучаемаго матерьяла не только по содержанію, но и по формѣ ²³⁹). Тамъ разсчитывали на способности ученика и болѣе всего на его разумъ, здѣсь—на прилежаніе и память. Если первый методъ можно выводить изъ традиціи эллинской философской школы, то второй оказывается близкимъ къ методу іудейской школы, которая держалась, между прочимъ, такихъ правилъ: «сначала учи, а потомъ и объясняй» и «не вѣрь тому, кто скажетъ, что приложивъ стараніе не достигъ ничего» ²⁴⁰). Дѣйствительно, прилежанія и усидчивости въ Низибійской школѣ требовалось не мало. Учебный день былъ дологъ и тру-

²³⁶) Что здѣсь имѣется въ виду не ап. Павелъ, это видно изъ того, что „Новый Завѣтъ“ относится къ третьему году обученія. Cf. *H. Kihn, Theodor von Mopsuestia*, S. 205.

²³⁷) См. *Wright, Catalogue of the Syriac Manuscripts in Brit. Mus.* vol. I 1026, 103a; vol. II 627a. *Payne-Smith, Thesaurus Syriacus*, с. 1646. Что *beith mauthbe* имѣетъ отношеніе не къ богослуженію („intercessiones nestorianorum“ у *Mai* цит. изд. 110a lat.; „*εὐχόμενα* des grecs“ у *Chabot L'ecole de Nisibe*, p. 69; „*breviaire*“ у *Labourt* цит. соч. p. 297), а къ Св. Писанію, это ясно изъ того, что въ дальнѣйшемъ перечисленіи священныхъ книгъ опускаются только и именно тѣ книги, которыя у сирійцевъ включались въ отдѣлъ *beith mauthbe*.

²³⁸) *Strom.* VI 17, *Migne* IX с. 380. Cf. *Platon. Respubl.* X у *Вильмана* цит. соч. I 178.

²³⁹) *Stat.* I 13: ученики должны „знать порядокъ слова“ (*taksa demeltha*).

²⁴⁰) *Strassburger* цит. соч. 85. *Маккавейскій* цит. соч. 86.

день. Утромъ, «какъ только прокричить пѣтухъ», который по Низибійскому уставу долженъ былъ играть роль современнаго звонка, всѣ ученики являлись въ классъ и оставались здѣсь (съ небольшимъ перерывомъ) до вечера, каждый на своемъ мѣстѣ, располагаясь рядами противъ каѳедры (*sarsila*) учителя, при чемъ переднія мѣста занимали священники ²⁴¹). Первые часы посвящались чтенію и списыванію назначенныхъ на этотъ день мѣстъ Св. Писанія подъ руководствомъ махтеяны. Затѣмъ слѣдовала главный урокъ—объясненіе записанныхъ мѣстъ «раббаномъ». Послѣдній урокъ посвящался литургическому чтенію и пѣнію подъ руководствомъ третьяго учителя (макреяны), и потому день заканчивался вечернимъ богослуженіемъ ²⁴²). Такова была постановка учебной части.

Основная особенность воспитательной стороны заключалась въ томъ, что она имѣла видъ отдѣльной отъ образованія системы съ особыми органами, особыми правилами поведения и наказаніями. Воспитателями были «начальникъ дома» (раббайта) и его помощники—«начальники келлій»; однако они должны были сообразоваться съ указаніями «раббана» и совѣта старшихъ братьевъ ²⁴³). Правила поведения подробно изложены были въ уставѣ школы, который разъ въ годъ торжественно читался предъ всѣмъ собраніемъ, дабы добронравныхъ ободрить, а «лѣнивыхъ и негодныхъ» исправить ²⁴⁴). Для послѣднихъ правила казались настолько обременительны, что они однажды похитили и спрятали уставъ, и большого труда стоило его разыскать ²⁴⁵). Основная тенденція правилъ—строгая церковность воспитанія. Хотя школа и не была монастыремъ, но

²⁴¹) Stat. I 9. И по талмуду школа должна быть открыта круглый день, и ученикъ „не долженъ и на часъ оставлять школу“ (Sabbath 83). *Strassburger* цит. соч. S. 64.

²⁴²) О такомъ именно порядкѣ учебнаго дня свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что классныя занятія учениковъ перечисляются въ уставѣ всегда въ одномъ и томъ же стереотипномъ порядкѣ: 1) „писаніе и чтеніе, 2) школьное толкованіе и 3) чтеніе хоровъ“ (Stat. I 8); 1) „чтеніе, 2) толкованіе и 3) хоры“ (II 5); 1) „чтеніе словъ Писанія, 2) слушаніе толкованія и 3) чтеніе и слушаніе хоровъ“ (Stat. II 15). Въ послѣднемъ правилѣ тѣхъ изъ учениковъ, которые „прежде опредѣленнаго времени“ пришли къ „чтенію словъ Писанія“, предоставляется освободиться отъ „чтенія и слушанія хоровъ“, т. е. отъ послѣдняго урска. Извѣстно, что и іудейская традиція принимала трехчастное раздѣленіе школьнаго дня между Торою, Мишною и Талмудомъ. *Strassburger*, цит. соч. S. 88.

²⁴³) Stat. I 2, II 5.

²⁴⁴) Stat. II app., *Guidi* 194—195, *Nestle* 229.

²⁴⁵) Stat. I praef. G. 170, N 213.

ученики должны были вести образъ жизни близкій къ монашескому: они обязаны неукоснительно посѣщать всѣ богослуженія и уроки, не должны выходить изъ школы безъ разрѣшенія «начальника дома», должны имѣть общій съ братіей столъ и повиноваться своимъ «начальникамъ келлій» ²⁴⁶). И по наружности они должны приближаться къ лицамъ духовнымъ: имъ запрещается брить бороду и носить завитые локоны, предписывается носить скромную, «чуждую суетности» одежду ²⁴⁷). Особенно озабочены правила огражденіемъ учениковъ отъ вліянія внѣшняго міра, отъ тѣхъ соблазновъ, какіе представляла жизнь въ большомъ городѣ: запрещается, напр., посѣщеніе безъ особаго разрѣшенія праздничныхъ и поминальныхъ обѣдовъ, хожденіе по тавернамъ, прогулки въ садахъ и рощахъ, долгіе разговоры съ женщинами и т. п. ²⁴⁸).—Тяготѣніе къ внѣшнему міру не всегда вызывалось дурными наклонностями, но еще крайнею бѣдностью учениковъ. Правила предусматриваютъ такіе случаи, что ученики просятъ милостыню у дверей богатыхъ домовъ отъ имени школы; другіе промышляютъ въ городѣ уроками. То и другое правилами строго запрещается; только старымъ и немощнымъ разрѣшается имѣть два три урока съ мальчиками ²⁴⁹). Чтобы добыть сумму, необходимую для взноса на содержаніе, ученику предоставлялось использовать время вакацій, которыя продолжались отъ начала августа до конца октября. Въ это время ученики отправлялись на заработки, при чемъ имъ разрѣшалось записаться торговлей и приличнымъ ремесломъ, подъ условіемъ строгой корректности въ сдѣлкахъ и поведеніи ²⁵⁰). Другая часть правилъ касается отношеній учениковъ между собою: здѣсь предметомъ взысканій являются ссоры и даже драки между учениками, похищеніе и присвоеніе книгъ и т. п. ²⁵¹), а также ростовщичество; интересно, что уставъ разрѣшаетъ все-таки давать деньги въ ростъ, но только ограничиваетъ прибыль однимъ процентомъ въ годъ ²⁵¹).—Что касается системы наказаній, то она отличалась большою строгостью и простотой. Самымъ обычнымъ наказаніемъ было исключеніе изъ школы съ изгнаніемъ изъ города и безъ права на обратный пріемъ; гораздо рѣже примѣнялся денежный штрафъ, иногда соединявшійся съ исключеніемъ изъ школы ²⁵¹).

²⁴⁶) Stat. II 11 и 5; II 13 и 4; II 9. ²⁴⁷) Stat. II 17.

²⁴⁸) Stat. II 13; II 16; II 18. ²⁴⁹) Stat. II 14; II 12.

²⁵⁰) Stat. I 5, II 10. ²⁵¹) Stat. I 18, 14 и др; I 6.

²⁵¹) Stat I 3, 12, 13 et passim; I 4, 14, 19.

Болѣ легкимъ наказаніемъ былъ выговоръ (до трехъ разъ) предъ собраніемъ всей братіи, однакоже настолькоъ энергичный, что правила обозначаютъ его терминомъ близкимъ по значенію къ слову «пытать»²⁵²⁾.

Вліяніе Эдесской школы на развитіе и организацію восточныхъ школъ VI—VII вв. было огромное. Ближайшимъ образомъ это вліяніе распространялось на востокъ за-евфратскій, который въ VI в. оказался уже стоящимъ за оградою церкви, а потому въ настоящемъ случаѣ долженъ лежать внѣ поля нашего зрѣнія. Здѣсь можно ограничиться лишь немногими словами, чтобы показать, что Эдесско-Низибійская школа дѣйствительно была типичною для востока. Несторіанскія школы, основанныя въ VI-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ востока при епископскихъ кафедрахъ и монастыряхъ, были организованы въ точности по образцу Низибійской школы²⁵³⁾. Но и монофиситскія школы, открывавшіяся главнымъ образомъ при монастыряхъ вмѣстѣ съ епископскими кафедрами (какъ напр. въ мон. Кенешрэ на Евфратѣ противъ Эвропа, въ мон. Каркафта близъ Решъ-Айны и друг.), насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ (до XIII в. прямо ничтожнымъ). въ существенныхъ чертахъ сохраняли тотъ же восточный типъ, и это вполне понятно, такъ какъ первые представители сирійской монофиситской учености, въ томъ числѣ и ея родоначальникъ Филоксенъ Маббогскій, вышли изъ Эдесской школы²⁵⁴⁾. Во всякомъ случаѣ вышедшіе изъ монофиситскихъ школъ VI—VII вв. литературные труды и рукописи относятся или къ толкованію Св. Писанія, или къ масоретскому искусству, въ которомъ эти школы стояли въ зависимости отъ Низибійской школы²⁵⁵⁾. Можно, впрочемъ, предполагать, что предметомъ «чтенія и толкованія» въ нѣкоторыхъ школахъ служили не только книги Св. Писанія, но и произведенія патристической литературы. Что же касается сирійскихъ переводовъ и комментаріевъ Аристотеля, которые появлялись въ разныхъ мѣстахъ въ V и слѣдующихъ вѣкахъ и сыграли потомъ огромную историческую роль въ смыслѣ передачи греческой философіи арабамъ, а черезъ нихъ и средне-

²⁵²⁾ Stat. I 18, 19: mthngd. Cf. Nestle, Die Statuten S. 223.

²⁵³⁾ См. *Assemani* Bibl. Orient IV 2 p 929 sqq. *Labourt*, цит. соч. p. 288 sqq. *Wright*, Catalogue I 53a, 1046.

²⁵⁴⁾ Simeon Beth-Arsam у *Assemani* Bibl. Orient. I, p. 352—353.

²⁵⁵⁾ *R Duval* Litter. Syr.³ p 56—59; 64—66.

вѣковой Европѣ ²⁵⁶), то эти переводы и комментаріи были результатомъ частныхъ занятій отдѣльныхъ ученыхъ, стоявшихъ въ особѣхъ, индивидуальныхъ отношеніяхъ къ греческому западу и интересовавшихся Аристотелемъ не только съ точки зрѣнія богословія, но еще и съ точки зрѣнія медицины, ибо эта практическая наука пользовалась на востокѣ большою популярностью ²⁵⁷). По крайней мѣрѣ первые труды этого рода принадлежали врачамъ: Пробу (V в.) и Сергію Расайнскому (VI в.) ²⁵⁸). Напротивъ, нѣтъ никакихъ указаній, что Аристотель или какой-либо другой философъ былъ предметомъ изученія въ восточныхъ богословскихъ школахъ древняго періода, и все, что объ этихъ школахъ извѣстно, такому предположенію противорѣчитъ. Внесеніе философіи въ программу высшей богословской школы произошло на востокѣ значительно позднѣе и обязано было вліянію арабовъ, которые, научившись этой наукѣ у сирійцевъ, затѣмъ далеко превзошли своихъ учителей ²⁵⁹). Это возрожденіе греческой философіи подъ вліяніемъ арабовъ началось въ VIII в., но совершенно опредѣленное указаніе на существованіе философіи въ программѣ восточныхъ школъ (и именно яковитскихъ) относится лишь къ концу XIII в. ²⁶⁰).—То же самое нужно сказать и относительно изученія греческаго языка въ восточныхъ школахъ. Подобно тому, какъ въ Эдесской школѣ преподаваніе шло исключительно на сирійскомъ языкѣ, и раббанъ Кіора въ началѣ V в. не могъ воспользоваться любезными ему толкованіями Θεодора, «потому что они не были тогда переведены на сирійскій языкъ» ²⁶¹), такъ и другія восточныя школы заевфратскаго востока (а съ VII в. и до-евфратскаго) не знали иного языка, кромѣ сирійскаго. Исключеніе въ этомъ отношеніи представлялъ лишь знаменитый у монофиситовъ монастырь Іоанна баръ-Афтоньи въ Кеннешрѣ на берегу Евфрата. Но судьба этого монастыря была совсѣмъ особенная: основанный первоначально въ Селевкии на Оронтѣ, т. е. близъ самага центра эллинской культуры на востокѣ—Антіохіи, онъ во время монофиситскихъ смуть начала VI в. былъ цѣликомъ пересаженъ

²⁵⁶) *E. Renan*, De philosophia peripatetica p. 9 ²⁵⁷) *ibid.* p. 16—17.

²⁵⁸) *R. Duval* цит. соч. p. 247, 363. ²⁵⁹) *E. Renan* цит. соч. p. 35.

²⁶⁰) Въ „номоканонѣ“ Баръ-Эбраи. См *A. Mai*. Script. vet. nov. coll.

X 2, 55.

²⁶¹) *Barchaddabbā*, ed. *A. Scher*, p. 382.

въ Кеннесрэ и сдѣлался для сирійцевъ главнымъ центромъ, откуда распространялись переводы съ греческаго ²⁶²). Однако, для распространенія греческаго языка въ другихъ школахъ этотъ монастырь не сдѣлалъ ничего, и попытка въ этомъ направленіи Іакова Эдесскаго (въ VII в.) окончилась неудачею. По разсказу Баръ-Эбраи, Іаковъ, пришедши въ монастырь Эвсебоны, 11 лѣтъ преподавалъ тамъ «псалмы и чтеніе божественныхъ писаній по-гречески и возстановилъ греческій языкъ, уже упавшій», но «преслѣдуемый братіей, которая ненавидѣла грековъ», онъ долженъ былъ оставить монастырь ²⁶³).

Важнѣе для насъ другой вопросъ: въ какомъ отношеніи къ восточному типу школы стояла Сирія до-евфратская, эллинизованная Сирія, центромъ которой была Антиохія? По авторитетному сужденію Моммсена ²⁶⁴), «изъ всѣхъ смѣшанныхъ формъ, какія принималъ эллинизмъ, сирійско-эллинская была такою, въ которой оба элемента достигли наибольшаго равновѣсія». Западные сирійцы «никогда не переставали сознавать себя восточными людьми» и поддерживали живыя сношенія со своими за-евфратскими одноплеменниками. Но, съ другой стороны, они жили бокъ-о-бокъ съ греками, пользовались греческимъ языкомъ и греческими школами,—главнымъ образомъ риторскими, но отчасти также и философскими, при чемъ еще со времени селевкидовъ особенными симпатіями здѣсь пользовался Аристотель ^{265a}). Эта двойственность не могла не отразиться и на устройствѣ Антиохійской богословской школы.

«Антиохійская школа» гораздо болѣе извѣстна въ качествѣ богословскаго направленія, чѣмъ въ качествѣ образовательнаго учрежденія. Въ послѣднемъ смыслѣ она, повидимому, уже существовала около начала IV в., имѣя своимъ учителемъ пресв. Лукіана († 311 г.), который, вѣроятно, и былъ ея основателемъ ²⁶⁵). Но дальнѣйшая судьба школы представляется со-всѣмъ неясной. Нельзя даже сказать, существовала ли она въ теченіе IV в. непрерывно, тѣмъ болѣе, что аріанскіе споры этого времени, въ которыхъ сторонники ереси называли себя

²⁶²) В. Райтзъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, Спб. 1902, стр. 59.

²⁶³) *Assemani Bibl. Orient.* II, 336.

²⁶⁴) Римская исторія, т. V, стр. 443 и слѣд.

^{264a}) *ibid.* 448.

²⁶⁵) Theodoret. *hist. eccles.* I 4. *Migne* t. 82, c. 912. H. Kihn, *Die Bedeut. d. Antiochen. Schule*, S. 47, cf. 39.

«силлукіанистами» ²⁶⁶), очевидно, мало способствовали ея процвѣтанію. Повидимому, школа сначала находилась въ самомъ городѣ при епископской каедрѣ ²⁶⁷), но въ началѣ 2-ой половины IV в. мы находимъ ее уже въ монастырѣ близъ Антіохіи подѣ управленіемъ Діодора, гдѣ школа достигла высшаго процвѣтанія ²⁶⁸). Возможно, что и другіе антиохійскіе монастыри имѣли въ это время подобныя же учрежденія (напр. монастырь Евпрепія), такъ что съ конца IV в., можетъ быть, правильнѣе было бы говорить не о школѣ, а о школахъ Антиохійскихъ ²⁶⁹). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что начальное образованіе процвѣтало тогда во всѣхъ монастыряхъ, и тамъ, гдѣ находились достаточныя научныя силы, оно легко могло развиваться и до высшаго: по крайней мѣрѣ св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ «вѣрующему отцу» «не беспокоиться и не скорбѣть, хотя бы [его сыну] должно было воспитываться въ монастырѣ десять или двадцать лѣтъ, потому что чѣмъ болѣе кто станетъ упражняться въ школѣ, тѣмъ болѣе приобрететъ силы» ²⁷⁰).

Что Антиохійская школа находилась въ самой тѣсной связи съ Эдесскою. на это имѣются опредѣленные данныя: основатель школы Лукіанъ получилъ экзегетическую подготовку у Эдесскаго учителя Макарія ²⁷¹); съ другой стороны, антиохійцы дали Эдесской школѣ ихъ «толкователя» κατ' ἐξοχήν Θεодора, который учился въ школѣ Діодора ²⁷²). Отсюда и въ устройствѣ школъ можно видѣть общія черты. Прежде всего, Антиохійская школа была специально-богословскою: это видно уже изъ того, что ея ученики, желавшіе имѣть болѣе широкое образованіе, предварительно проходили свѣтскую школу—риторскую и философскую, какъ св. Іоаннъ Златоустъ, Θεодоръ Мопсуестійскій и др. ²⁷³). Далѣе, она была школою преимущественно или даже специально экзегетическою: начиная съ Лукіана, «τὰς ἱεράς Γραφὰς εἰς ἄκρον ἡκριβωκότος» ²⁷⁴), всѣ ея учителя

²⁶⁶) Theodoret. I. c.

²⁶⁷) Cf. Theodoret. IV 22, *Migne* t. 82, c. 1184 (о Флавіанѣ и его ученикахъ Діодорѣ и Афраатѣ).

²⁶⁸) Socrat. hist. eccl. VI 3, *Migne* t. 67, c. 665. *Kihn* цит. соч. S. 65—66.

²⁶⁹) *Kihn* цит. соч. S. 77—78, cf. 64.

²⁷⁰) „Къ вѣрующему отцу“ III 17, русск. перев. т. I (Спб. 1895) стр. 114.

²⁷¹) Metaphr. Vita Luciani, у *Assemani* Bibl. Orient. III 2, p. 924

²⁷²) Barchadhabba p. 382—383 Socrat. hist. eccl. VI 3 I. c.

²⁷³) *Kihn*, Antiochen. Schule, S. 61.

²⁷⁴) Sozom. hist. eccles. III 5, *Migne* t. 67, c. 1044.

и ученики (какъ Діодоръ, св. Іоаннъ Златоустъ, Теодоръ, Полихроній) были главнымъ образомъ или даже исключительно экзегетами или изслѣдователями текста св. Писанія ²⁷⁵). Наконецъ, въ Антиохіи, какъ извѣстно, процвѣтала тотъ же, что и въ Эдессѣ, историко-грамматическій методъ толкованія св. Писанія ²⁷⁶). Но существенное отличіе Антиохійской школы отъ Эдесской, являвшееся естественнымъ результатомъ эллинизации, заключалось въ томъ, что она, исключая эллинскую науку изъ программы богословской школы, въ то же время не отказывалась отъ этой науки совершенно, а предоставляла своимъ ученикамъ получать предварительную подготовку въ свѣтской школѣ ²⁷⁷). Такая система вытекала очевидно, изъ особой оцѣнки эллинской науки: подобно восточнымъ, антиохійцы не раздѣляли стремленія Александрійской школы построить систему цѣльнаго знанія изъ религіозныхъ и научно-философскихъ элементовъ: но они считали пужнымъ учиться въ эллинской школѣ совершеннѣйшимъ формамъ мышленія и рѣчи для своихъ экзегетическихъ цѣлей. Отсюда — преимущественный интересъ антиохійцевъ къ риторикѣ и діалектикѣ, который имѣлъ, впрочемъ, свое основаніе и въ несамостоятельномъ, производномъ характерѣ сирійско-эллинской образованности: извѣстно, что и языческая Антиохія интересовалась больше формой, чѣмъ содержаніемъ, больше риторикой, чѣмъ метафизикой ²⁷⁸). Результатъ такого отношенія къ эллинской наукѣ былъ тотъ, что въ Антиохійской школѣ экзегетика получила болѣе научную постановку, чуждую того односторонняго традиціонизма, которымъ отличалась школа Низибійская.

III.

Латинская богословская школа во многихъ отношеніяхъ занимала среднее положеніе между греческимъ и восточнымъ типами, но имѣла и свои особенныя черты. Расовое родство съ греками и энергичное вліяніе съ ихъ стороны, начавшееся задолго до Р. Х., заставили латинянъ подчиниться эллинской культурѣ. Но извѣстная всѣмъ особенность ихъ національнаго характера, заключавшаяся въ преобладаніи прак-

²⁷⁵) *Kihn*, Antioch. Schule, S. 49, 50, 57, 59 ff.

²⁷⁶) *ibid.* 28 ff. ²⁷⁷) *ibid.* 61.

²⁷⁸) *Моммсенъ*, Римская исторія, т. V, стр. 449. *Harrent*, Les écoles d'Antioche, Paris 1898, p. 76

тических интересовъ и дарованій, сближала ихъ скорѣе съ семитами, чѣмъ съ греками, а несамостоятельный, производный характеръ латинской культуры, всегда и всюду сказывающійся преобладаніемъ формы надъ содержаніемъ, отчасти напоминалъ смѣшанную сирийско-эллинскую культуру Антиохіи. Этими основными чертами опредѣлялись особенности латинской образовательной системы и особенности церковной жизни Запада, каковыя, въ свою очередь, опредѣлили собою и характеръ латинской богословской школы. Латиняне приняли греческую систему общаго («свободнаго») образованія, но устранили изъ нея самую душу—философію, ибо теоретическіе вопросы ихъ занимали мало, и если отдѣльные лица (въ родѣ Цицерона) интересовались философіей, то ихъ увлекалъ болѣе самый процессъ спекулятивнаго мышленія, а также желаніе испробовать на философскихъ матеріяхъ свой литературный стиль²⁷⁹). Поэтому латинская школа заканчивалась ступенью реторики²⁸⁰), каковая для эллина была только переходомъ къ высшему объединенному знанію, безъ котораго вся система «свободныхъ наукъ» теряла смыслъ. Напротивъ, римлянина реторика удовлетворяла вполне, во-первыхъ, потому, что она давала ему внѣшній видъ образованнаго человѣка; во-вторыхъ, потому, что изъ нея получалась и практическая польза въ видѣ подготовки къ общественной и въ особенности адвокатской дѣятельности²⁸¹). Поэтому образованнымъ человѣкомъ у латинянъ считался не тотъ, кто постигъ науку «о подлинно сущемъ», а тотъ, «кто красиво, убѣдительно и съ пониманіемъ дѣла можетъ говорить (и писать) по какому угодно вопросу, соотвѣтственно обстоятельствамъ и къ удовольствію слушателей»²⁸²). Отсюда и *ἐγκύκλια παιδεία*, рецепированная на западѣ подъ именемъ *artes liberales*, являются здѣсь не какъ «служанки философіи», а какъ «служанки» словеснаго искусства — «филологіи»²⁸³): онѣ должны вооружить человѣка разнообразной «эрудиціей» для упражненія въ высшей наукѣ—«элоквенціи»²⁸⁴).—Западное христіанство не внесло существенныхъ измѣненій въ эту систему, хотя отношеніе къ ней было двой-

²⁷⁹) Вильманъ, Дидактика, какъ теорія образованія, т. I, стр. 219.

²⁸⁰) *ibid.* 231. ²⁸¹) *ibid.* 221—222.

²⁸²) Tacit. Dialog. de orat. 30, у Вильмана, цит. соч. 225.

²⁸³) Marcellianus Capella, Satiricon libri IX, у Вильмана цит. соч. 217.

²⁸⁴) *ibid.* 224.

ственное ²⁸⁵). Причина двойственности заключалась въ формальномъ характерѣ риторскаго образованія: кто смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія идей, тотъ не могъ относиться къ нему иначе, чѣмъ Климентъ Александрійскій относился къ безпринципной софистикѣ; но кто заранѣе отказывался считаться съ содержаніемъ риторской «эрудиціи» и видѣлъ въ ней только форму, тому риторика могла представляться для христіанства безразличной и даже не бесполезной въ качествѣ подготовки къ церковному краснорѣчію. Въ силу извѣстнаго римскаго консерватизма, который съ трудомъ разставался со старыми формами, перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, и въ V—VI вв. можно было видѣть на западѣ епископовъ (какъ Эннодій), которые блистали риторскимъ образованіемъ и пользовались языческой мифологіей даже при разработкѣ богословскихъ темъ ²⁸⁶).—Въ полномъ соотвѣтствіи съ указанными національно-культурными особенностями складывалась на западѣ и церковная жизнь. Теоретическіе богословскіе интересы, какъ извѣстно, развиты были на западѣ слабо: они сводились къ охранѣ установленныхъ уже ранѣе положеній, которыя разсматривались съ юридической точки зрѣнія—какъ законъ (*lex, praesertim*). Напротивъ доминирующими были интересы практическіе: вопросы церковной дисциплины и каноническаго устройства ²⁸⁷).

Отсюда понятно, какой характеръ должна была получить латинская богословская школа: профессионально-практическія цѣли, господство традиціи въ теоретическомъ богословіи, преобладаніе практическихъ богословскихъ дисциплинъ, на службу которымъ привлекается латинская «элоквенція», — таковы ея основныя черты. Что касается общеобразовательныхъ наукъ, то на западѣ, какъ видно изъ сказаннаго ранѣе, не могло быть принципиальныхъ возраженій противъ принятія ихъ въ программу духовной школы; но на первыхъ порахъ не было и особыхъ побужденій къ этому, такъ какъ греческая идея цѣльнаго знанія была чужда латинянамъ, и потому они могли довольствоваться параллельною свѣтской школою. Включеніе общеобразовательныхъ наукъ въ программу духовной школы

²⁸⁵) *F. X. Eggersdorfer*, *Der heilige Augustinus, als Pädagoge* (Strassburger Theologische Studien, B. VII 3—4), Freiburg i/B 1907, p. 109 sqq.

²⁸⁶) *Г. Буассе*, *Паденіе язычества*, М. 1892, стр. 145—146.

²⁸⁷) *A. Harnack*, *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, Freiburg 1890, B. III, S. 14 ff., 20.

произошло на западѣ довольно поздно (въ VI в.) и вызвано было не столько принципиальными соображеніями, сколько внѣшними условіями,—особымъ положеніемъ Римской церкви послѣ варварскаго завоеванія: разрушивъ античное государство и общество, варвары пощадили только церковь, которая, не желая варваризации, естественно должна была сдѣлаться единственною хранительницею античной культуры, а слѣдовательно и «свободныхъ наукъ» школьнаго курса. Такимъ образомъ до VI в. латинская духовная школа ограничивается богословскою программой, а съ VI в. включаетъ въ программу и *artes liberales*.

Древнѣйшимъ образцомъ школъ перваго періода является «*monasterium clericorum*» блаж. Августина, основанный имъ ок. 396 г. въ Иппонѣ ²⁸⁸). Какъ извѣстно, это учрежденіе было въ сущности общежитіемъ для членовъ Иппонскаго клира, обязанныхъ жить въ епископскомъ домѣ; но оно имѣло также и педагогическую задачу, такъ какъ здѣсь младшіе клирики (*tirones Christi*) получали образовательно-воспитательную подготовку къ служенію въ священномъ санѣ подъ руководствомъ самого епископа ²⁸⁹). Биографія Августина, составленная его ученикомъ Поссидіемъ, нѣкоторыя писья Августина и особенно его сочиненіе «*De doctrina christiana*», представляющее обзоръ всего духовно-образовательнаго курса и несомнѣнно имѣвшее связь съ преподавательскою дѣятельностью автора ²⁹⁰), даютъ довольно ясное представленіе о содержаніи и ходѣ учебныхъ занятій въ «монастырѣ клириковъ».

Цѣль школы—воспитать учениковъ для церковной потреб-

²⁸⁸) О происхожденіи и цѣли „монастыря“ см. *Eggersdorfer, Der heil. Augustinus als Pädagoge*, S. 131—134; В. Герье, Блаженный Августинъ, М. 1910, стр. 100 слѣд.; А. Theiner, *Geschichte der geistlichen Bildungsanstalten*, Mainz 1835, S. 10 ff.

²⁸⁹) *Epist ad Laetum* 243 n 6. *Migne* t 33, c. 1057. Какъ учебное заведеніе, „монастырь“ Августина имѣлъ нѣкоторые прецеденты въ „діатрибахъ“, собиравшихся около епископа въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Римъ, Миланъ и Аквилея. Здѣсь молодые клирики получали отъ самаго епископа практическую подготовку къ служенію въ священномъ санѣ въ видѣ ознакомленія съ церковными канонами. Но эти учрежденія, не имѣвшія постоянной и опредѣленной организаціи, не были школами въ собственномъ смыслѣ и тѣмъ болѣе школами высшими *Eggersdorfer*, цит. соч р. 131.

²⁹⁰) *ibid.* S 117 ff., cf S. 140 u. 153.

ности,—«*utilitati ecclesiasticae erudire*»²⁹¹). Этимъ опредѣляется и программа, и постановка предметовъ. Ученикъ долженъ знать «законъ» (*praesertim*), или «волю Божию», т. е. Св. Писаніе, и умѣть преподавать его другимъ²⁹²). Отсюда главные предметы преподаванія — экзегетика и церковная «элоквенція», и методъ преподаванія—преимущественно практической.

Artes liberales не считаются излишними: онѣ полезны при объясненіи Св. Писанія, и особенно знаніе правилъ «элоквенція» необходимо будущему проповѣднику²⁹³). Но этимъ предметамъ нужно учиться особо (*seorsum discendum est*) въ болѣе раннемъ возрастѣ у хорошихъ учителей — специалистовъ²⁹⁴).—Въ постановкѣ богословскаго курса школа Августина отчасти напоминаетъ восточную традицію. Систематическое богословіе почти отсутствуетъ: оно исчерпывается самымъ краткимъ очеркомъ библейскаго богословія, который предпосылается объясненію Св. Писанія вмѣстѣ съ герменевтическими правилами²⁹⁵). Изученіе Св. Писанія начинается тѣмъ, что ученикъ читаетъ сначала безъ объясненія всѣ каноническія книги, чтобы ознакомиться съ ними напередъ, «хотя еще не по смыслу, но по буквѣ» (*etsi nondum intellectu, jam tamen lectione*)²⁹⁶). Затѣмъ учитель ведетъ объясненіе тѣхъ мѣстъ, которыя ему представляются для его цѣли особенно важными, строго держась преданія (*regulam fidei*)²⁹⁷), а ученики записываютъ его замѣчанія (*adnotationes*) на поляхъ своихъ кодексовъ, или въ отдѣльныхъ книгахъ²⁹⁸).—Но совер-

²⁹¹) Augustin. De doctr. christ., lib. IV, n. 4, *Migne* t. 34, c. 90.

²⁹²) *ibid.* IV n. 44, col. 36. Cf. Possidii Vita Augustini cap. 19 fin., *Migne* t. 32, c. 50.

²⁹³) De doctr. christ. lib. II n. 24—26, *Migne* t. 34, 47—48; *ib.* IV 4, c. 90

²⁹⁴) *ibid.* IV n. 2, col. 89; IV n. 4, c. 90.

²⁹⁵) De doctr. christ. I n. 5—39 et passim.

²⁹⁶) *ibid.* II n. 12, col. 40. ²⁹⁷) *ibid.* III n. 2, col. 65.

²⁹⁸) August. Retractationum lib. II, cap. 32, *Migne* t. 32 c. 643—644; *ibid.* II 13, col. 635. Изъ этихъ ссылокъ видно, что толкованія Августина на посланіе ап. Іакова и на книгу Іова (первое не сохранилось) представляли собою ученическія записки лекцій, которыя читалъ (*dictavit*) авторъ,—записи, сдѣланныя сначала *in frontibus codicis*, а потомъ собранныя „прилежаніемъ братіи“ въ отдѣльныя книги. Въ постановкѣ Св. Писанія школа Августина имѣла нѣкоторое сходство съ александрійскою школою въ томъ отношеніи, что Августинъ держался аллегорическаго метода и былъ принципиальнымъ противникомъ „служенія буквѣ“

шенно оригинальную черту школьной экзегетики Августина составляет приспособленіе ея къ цѣлямъ проповѣди. Знаніе Св. Писанія, по блаж. Августину, не есть знаніе цѣнное само себѣ: если человѣкъ имѣетъ вѣру, надежду и любовь,—говоритъ Августинъ, — то «онъ не нуждается въ Писаніи, развѣ только для наученія другихъ» (*non indiget Scripturis, nisi ad alios instruendos*)²⁹⁹). Такимъ образомъ знаніе Св. Писанія (*sapientia*) должно давать матеріалъ или «эрудицію» для церковной «элоквенціи». Поэтому и вся «Христіанская Наука» Августина строится по риторической схемѣ: она говоритъ во-первыхъ «*de inveniendo*» (*lib. I—III*) и во-вторыхъ *de proferendo* (*lib. IV*), т. е. во-первыхъ учитъ разыскивать въ Св. Писаніи матеріалъ для проповѣди и во-вторыхъ научаетъ самому искусству проповѣди. Изъ этого видно, что наука церковнаго краснорѣчія составляла послѣднюю цѣль обученія въ школѣ Августина. Такъ какъ общія правила краснорѣчія предполагались уже извѣстными ученикамъ, то постановка этой науки въ школѣ Августина была чисто практическая³⁰⁰). Ученики должны были читать выдающіяся по краснорѣчію произведенія церковной литературы, слушать опытныхъ проповѣдниковъ и въ особенности упражняться въ составленіи, декламации и наконецъ свободномъ произнесеніи проповѣдей (*accedente vel maxime exercitatione sive scribendi, sive dictandi, postremo etiam dicendi*)³⁰¹). Хотя никогда не упускалось изъ вида, что въ церковной проповѣди центр тяжести долженъ лежать въ содержаніи, а не въ формѣ³⁰²), но послѣдней при-

(*sub signo servire*, см. *De doct. christ.* III п. 9, col. 70). Но это сходство было скорѣе вѣшнымъ, потому что аллегорическій методъ Августина и вообще западныхъ отцовъ стоялъ внѣ связи съ какой-либо „спекулятивной системой“ и примѣнялся случайно и „фрагментарно“ (см. проф. А. И. Бриллиантовъ, Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены, Спб. 1898, стр. 84).

²⁹⁹) *De doct. christ.* I п. 43, *Migne* t. 34 col. 36.

³⁰⁰) Въ теоріи Августинъ ограничивался тѣмъ, что разъяснялъ ученикамъ, въ какой мѣрѣ правила мірскаго краснорѣчія (и именно въ формулировкѣ ихъ Цицерономъ) примѣнимы къ церковному ораторству. Въ „Христіанской наукѣ“ онъ оцѣниваетъ съ этой точки зрѣнія ученіе Цицерона о трехъ задачахъ ораторства—*„docere, delectare, flectere“* (*De doct. chr.* IV п. 27, col. 101) и о трехъ стиляхъ—*„submissus, temperatus, grandis“* (*ib.* IV 34, c. 104—105).

³⁰¹) *De doct. christ.* IV п. 4, *Migne* t. 34, c. 90.

³⁰²) *ibid.* IV 7, c. 92.

давалось очень большое значеніе, и даже высоко цѣнилась самая манера произношенія: Августинъ совѣтовалъ пользоваться чужими проповѣдями тѣмъ, которые «могутъ хорошо произносить, но не могутъ придумывать» (*qui bene pronuntiare possunt, excogitare non possuunt*)³⁰³).—Рядомъ съ гоимлетикой въ школѣ блаж. Августина получила большое значеніе и другая практическая наука—пастырское богословіе; но она не имѣла систематическаго характера, а сводилась къ бесѣдамъ Августина съ учениками по текущимъ вопросамъ его пастырской практики³⁰⁴).

Учебныя занятія въ «монастырѣ клириковъ», разумѣется, не могли быть строго регулярными, потому что на учителей лежали другія сложныя обязанности по епархіи; но, по словамъ Поссидія, Августинъ все свободное время отдавалъ урокамъ и бесѣдамъ съ учениками³⁰⁵).

Въ воспитательной системѣ, которая въ школѣ Августина занимала очень важное мѣсто, элементы дисциплины и принужденія совмѣщались съ личнымъ вліяніемъ учителя. Въ организаціи своего «монастыря» Августинъ стремился осуществить идеаль первохристіанской общины. Всѣ ея члены должны были отказаться отъ собственности, имѣть общій столъ и вообще получать все необходимое отъ спеціально назначеннаго «начальника дома» (*domus praepositus*)³⁰⁶). Кто не хотѣлъ принимать на себя этихъ обязательствъ, вычеркивался изъ списка клириковъ³⁰⁶). Составленныя Августиномъ для общегитія правила (*Regula ad servos Dei*) должны были читаться членами общины одинъ разъ въ недѣлю, чтобы кто-нибудь «вслѣдствіе забвенія не пренебрегъ чѣмъ-нибудь»³⁰⁷). Но въ составъ

³⁰³) *ibid.* IV° 62, с. 119.

³⁰⁴) *Possid. Vit. Aug. cap. 15, Migne t. 32 с. 46; cf. cap. 22, col. 51.*

³⁰⁵) *ibid. cap. 19 fin., col. 50.*

³⁰⁶) *Possid. Vita August. cap. 24, Migne t. 32, с. 53—54.* Въ отличіе отъ восточной школы, *domus praepositus* (изъ клириковъ) имѣлъ здѣсь только хозяйственную функцію, и Августинъ хотѣлъ даже отдать эту должность мѣрянину. *August. Sermo 356 n. 15. Migne t. 39, с. 1581.*

³⁰⁶) *August. Sermo 356 n. 14, Migne t. 39 col. 1580.*

³⁰⁷) *Reg. ad serv. Dei cap. 12, Migne t. 32 с. 1384.* Монастырская дисциплина школы вполне отвѣчала Августиновой теоріи нравственнаго воспитанія, въ основу котораго онъ полагалъ принципъ „принужденія“ (*cogitio, violentia*). *Epist. 93 (ad Vincentium), Migne t. 33 с. 323.* Ср. также *Н. Кибардинъ, Система педагогики по твореніямъ блаж. Августина, Казань 1911, 30 слѣд.*

общины входилъ и самъ учитель, не перестававшій вліять на учениковъ словомъ и примѣромъ ³⁰⁸).

По словамъ Поссидія, изъ школы Августина вышло не мало епископовъ, которые заняли кафедры въ разныхъ городахъ не только Африки, но и Италіи; по примѣру Августина они также основали въ своихъ епархіяхъ *monasteria clericorum*, и такимъ образомъ типъ школы Августина получилъ на западѣ широкое распространеніе ³⁰⁹). Но этотъ типъ былъ еще неполный, такъ какъ въ немъ недоставало общеобразовательныхъ наукъ. Первый опытъ включенія ихъ въ программу западной духовной школы представляла монастырская школа Кассіодора. Объ этой школѣ и нужно сказать теперь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что она представляла нѣкоторый интересъ еще и въ другомъ отношеніи.

Магнъ Аврелій Кассіодоръ Сенаторъ былъ едва ли не центральною фігурою въ жизни латинскаго запада первой половины VI в. Состоя секретаремъ и руководителемъ политики остъ-готскихъ королей, онъ въ тоже время считалъ себя вѣрнымъ хранителемъ христіанизованной греко-римской культуры, для развитія которой, по его оптимистическому воззрѣнію, съ варварскимъ завоеваніемъ наступили не худшія, а лучшія времена ³¹⁰). Совершенно естественно, что этому именно челоуѣку принадлежала попытка поднять духовное просвѣщеніе запада. Школа Августина его не удовлетворяла, не только потому, что въ ней отсутствовали *artes liberales*, но еще болѣе потому, что и постановку богословія въ ней онъ не считалъ достаточно научной ³¹¹). Въ 535 г. Кассіодоръ, по его собственному разсказу, составилъ вмѣстѣ съ папою Агапитомъ планъ открыть въ Римѣ «общественную школу» подобную Александрійской и Низибійской, отъ коей «и душа вѣрныхъ получала бы вѣчное спасеніе, и языкъ ихъ украшался бы чистѣйшимъ и безупречнымъ краснорѣчіемъ» ³¹²). Потерпѣвъ неудачу съ этимъ проектомъ изъ-за начавшейся войны готовъ съ Византіей, Кассіодоръ рѣшилъ осуществить свою мечту въ

³⁰⁸) Possid. Vita August. cap. 19, *Migne* t. 32 c. 50.

³⁰⁹) *ibid.* cap. 11 c. 42.

³¹⁰) *L. M. Hartmann*, *Geschichte Italiens im Mittelalter*, B I, Gotha 1902, S. 185.

³¹¹) M. A. Cassiodori, *De institutione divinarum litterarum, praef.*, *Migne* lat. t. 70, col. 1105.

³¹²) *ibid.* col. 1105—1106.

частномъ предпріятіи. Въ 540 г., удалившись отъ дѣлъ, онъ основалъ въ своемъ роскошномъ помѣстьѣ въ Бруттіи, на берегу моря, монастырь подъ названіемъ Vivarium (отъ бассейна съ рыбами, который тамъ былъ устроенъ), а при монастырѣ школу ³¹³). Здѣсь любознательные монахи — *fratres studiosi* имѣли отъ богатаго магната всѣ удобства для учебныхъ занятій и въ томъ числѣ богатую библіотеку какъ церковныхъ, такъ и классическихъ авторовъ ³¹⁴). Въ качествѣ учителя этой школы Кассіодоръ составилъ для нея два учебника, — одинъ по богословію, а другой—по «свободнымъ наукамъ» (*Institutiones divinarum et saecularium litterarum* или *lectionum*) ³¹⁵), каковыя и даютъ намъ представленіе о характерѣ школы Кассіодора.

Въ постановкѣ общеобразовательныхъ наукъ Кассіодоръ всецѣло примыкаетъ къ традиціи риторской латинской школы. Какъ тамъ старались въ самый короткій срокъ снабдить ученика возможно полною и разнообразною «эрудиціей» для «элоквиенціи», такъ и Кассіодоръ въ самомъ краткомъ компендіумѣ хочетъ дать ученикамъ всю сумму «свободныхъ наукъ», необходимыхъ, по его мнѣнію, для цѣлей церковно-богословскаго образованія. Поэтому учебникъ Кассіодора существенно не отличается отъ принятаго тогда въ риторскихъ школахъ учебника Марціана Капеллы, и подавляющее большинство матерьяла посвящается въ немъ формальнымъ наукамъ—реторикѣ и діалектикѣ. Мотивомъ изученія «свободныхъ наукъ» является у Кассіодора ихъ важное вспомогательное значеніе при объясненіи Св. Писанія ³¹⁶). Но мотивы вклю-

³¹³) Cassiod. De instit. div. litt. cap. 29; *Migne* t. 70 c. 1143. Cf. *A. Franz*, M. Aurelius Cassiodorius Senator, ein Beitrag zur Geschichte der theologischen Litteratur, Breslau 1872, S. 26—28. *Ebert* (Hauck), Cassiodorius, RE³ II, S. 749.

³¹⁴) Cassiod. De instit. div. lit. cap. 8, *Migne* t. 70, c. 1120, 1121; cf. *ibid.* praef. c. 1107, 1108. См. также „каталогъ библіотеки монастыря Vivarium“ у *A. Franz*'а, цит. соч. S. 80 folg

³¹⁵) Первый изъ нихъ (*De institutione divinarum litterarum*) долженъ былъ служить введеніемъ къ изученію Св. Писанія, а второй (*De artibus ac disciplinis litterarum*) даетъ краткій компендіумъ всѣхъ „семи свободныхъ наукъ“. *Ebert*, Cassiodorius, RE³ V. II, S. 750 Въ отличіе отъ блаж. Августина Кассіодоръ былъ въ своемъ монастырѣ только учителемъ, а настоятельство предоставлялъ другимъ лицамъ. *A. Franz*, цит. соч., S. 28.

³¹⁶) De inst. div. litt., cap. 28, *Migne* t. 70, c. 1142.

ченія ихъ въ программу духовной школы не указываются; отсюда можно полагать, что они были не принципиальные, а внѣшніе-практическіе и заключались въ упадкѣ свѣтской школы или вообще въ невозможности воспользоваться ею ³¹⁷). Во всякомъ случаѣ органической связи между свѣтской и богословской наукою здѣсь быть не могло, потому что отсутствовало посредствующее между ними звено-философія. Внѣшній характеръ этой связи обнаруживается не только въ томъ, что Кассіодоръ признаетъ за «свободными науками» исключительно формальное значеніе, но также и въ его своеобразной аргументаціи въ пользу допустимости свѣтскаго образованія, каковая въ то время ревнителями благочестія энергично оспаривалась ³¹⁸). Онъ указываетъ, между прочимъ, на чисто внѣшній признакъ—седмичное число «свободныхъ наукъ», которое въ Писаніи неоднократно выступаетъ какъ священное ³¹⁹), и утверждаетъ, что всѣ риторическія и діалектическія формы классической литературы заимствованы древними авторами изъ Св. Писанія ³²⁰). Александрійцы утверждали это только относительно содержанія классической литературы.

Что касается богословскаго курса школы Кассіодора, то здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченной только одна характерная особенность, касающаяся отношенія этой школы къ восточному типу. Уже въ школѣ Августина можно было замѣтить черты, сближающія ее со школами восточнаго типа; однако, имѣло ли здѣсь мѣсто непосредственное вліяніе со стороны востока, или дѣло объяснялось нѣкоторымъ сходствомъ въ національных характерахъ, сказать трудно. Несомнѣнно то, что въ VI в. на западѣ появляется сильное тяготѣніе къ школѣ Низибійской, хотя въ это время она была уже еретической. Около 530 г. африканецъ Юнилій, состоявшій министромъ при имп. Юстиніанѣ, познакомился въ Константинополѣ съ Пав-

³¹⁷) Если Кассіодоръ утверждаетъ, что свѣтское образованіе въ его время стояло высоко (*De inst. div. litt., praef., Migne t. 70, c. 1105*), то имѣетъ въ виду лишь относительную распространенность свѣтской школы въ сравненіи съ почти отсутствовавшей духовной. Фактъ повсемѣстнаго упадка классической школы въ VI в. не подлежитъ никакому сомнѣнію.

³¹⁸) *De inst. div. litt. cap. 28, Migne t. 70, c. 1141. Cf. A. Franz, Cassiodorus Senator, S. 38—40.*

³¹⁹) *De art. ac discipl. lib. litt., praef., Migne t. 70 c. 1149.*

³²⁰) *Die inst. div. litt. cap. 27, Migne t. 70 c. 1141. In psalterium praefatio cap. XV, Migne t. 70 c. 19.*

ломъ Персомъ, ученикомъ Низибійской школы и авторомъ принятаго въ этой школѣ учебника по исагогикѣ ³²¹). Онъ заинтересовалъ этимъ богословомъ своего друга Примазія еп. Адруметскаго (въ Африкѣ) и по просьбѣ послѣдняго въ 551 г. перевелъ руководство Павла на латинскій языкъ ³²²). Въ 535 или 536 г. папа Агапить и Кассіодоръ, намѣреваясь открыть въ Римѣ богословскую школу, имѣли въ виду въ качествѣ образца школу Низибійскую ³²³). Теперь, въ школѣ Кассіодора, влияніе Низибіи становится несомнѣннымъ фактомъ: въ числѣ руководствъ по исагогикѣ, которые должны были изучаться въ школѣ Кассіодора, указывается и переводный трудъ Юнилія ³²⁴); кромѣ того и основное руководство по исагогикѣ, составленное самимъ Кассіодоромъ, носить слѣды зависимости отъ того же восточнаго источника ³²⁵). Въ связи съ этимъ и въ самой постановкѣ науки Св. Писанія обнаруживается новая черта: Кассіодоръ придаетъ большое значеніе внѣшней сторонѣ текста,—интерпункціи, орфографіи и каллиграфіи, т. е. тому самому, что въ Низибіи было предметомъ особой кафедры ³²⁶). Это была наиболѣе сильная сторона школы Кассіодора. Что касается собственно экзегетики, то ее не удалось поставить на надлежащую высоту и ему: здѣсь дѣло сводилось къ механическому собиранію возможно большаго количества святоотеческихъ толкованій, почти исключительно латинскихъ, при чемъ установлена была особая система знаковъ, связывающихъ текстъ съ толкованіями ³²⁷).

Школа Кассіодора послужила образцомъ для другихъ монастырскихъ школъ, которыя стали появляться на западѣ въ VII в. прежде всего въ Бенедиктинскомъ орднѣ ³²⁸). Особенность бе-

³²¹) *H. Kihn*, Theodor von Mopsuestia. S. 267, cf. 241; S. 205, cf. 468. Для даты см. *Labourt*, Le christianisme dans l'empire Perse, p. 166.

³²²) *Kihn*, цит. соч., S. 468, cf. 289.

³²³) *Cassiod. De inst. div. litt.*, praef., *Migne* t. 70, c. 1105—1106.

³²⁴) *ibid.* cap. 10, col. 1122.

³²⁵) *Kihn*, Theodor v. Mopsuestia, S. 211—212.

³²⁶) *De inst. div. litt.* cap. 12, 17, 4, 30, 15 etc. *A. Franz*, Cassiodorius Senator, S. 53 folg.

³²⁷) *De inst. div. litt.* cap. 26, *Migne* t. 70 c. 1140. Cf. *A. Franz*, цит. соч. S. 69.

³²⁸) *A. Franz*, Cassiodorius Senator, S. 124. *G. Baumert*, Die Entstehung der mittelalterlichen Klosterschulen und ihr Verhältniss zum klassischen Altertume (Jahresbericht der Oberrealschule zu Delitzsch), Delitzsch 1912, S. 10—11.

недидактических школъ заключалась въ томъ, что онѣ, согласно практическимъ—миссіонерскимъ и церковно-просвѣтительнымъ задачамъ ордена, ставили себѣ прежде всего профессиональную цѣль—приготовленіе клириковъ³²⁹), тогда какъ Кассіодоръ, не задаваясь практическими цѣлями, смотрѣлъ на занятія своихъ учениковъ, какъ на особый видъ монашескаго подвига³³⁰). Въ этомъ отношеніи бенедиктинскія школы приближались къ епископальнымъ школамъ, имѣвшимъ свой корень въ школѣ Августина. Но въ свою очередь и епископальныя школы VII в. приблизились къ школѣ Кассіодора въ томъ отношеніи, что онѣ включили въ программу artes liberales, которыя въ школѣ Августина не были приняты. Такимъ образомъ произошла ассимиляція западныхъ школъ, и въ результатѣ «кафедральныя» и «монастырскія» школы, господствовавшія на западѣ въ теченіе всего средневѣковья и имѣвшія свои корни въ школахъ Августина и Кассіодора. не различаясь между собою по существу, представляли собою одинъ и тотъ же латинскій типъ школы и основывались на двухъ главныхъ принципахъ латинской традиціи: «eruditio» и «eloquentia». Эти принципы, подновленные въ эпоху «возрожденія», не смотря на всѣ глубокія перемѣны, пережитыя западомъ въ теченіе столѣтій, сохранены были до новѣйшаго времени школой іезуитской.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Всѣ высшія богословскія школы древне-христіанской эпохи были сходны между собою въ самомъ главномъ и существенномъ. Всѣ онѣ давали ученикамъ, въ предѣлахъ возможнаго, высшее богословское знаніе, основанное на Св. Писаніи и церковномъ преданіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующее религиозно-нравственное воспитаніе. Всѣ стояли въ самой тѣсной связи съ церковью и находились въ зависимости отъ епископовъ. Въ другихъ отношеніяхъ школы сохраняли свои особенности въ зависимости отъ своихъ національно-культурныхъ и образовательныхъ традицій. Эти особенности касались не только учебныхъ и воспитательныхъ методовъ, но и формулировки ближайшихъ задачъ, и объема и содержанія учебнаго курса. Если греческая школа имѣла въ виду прежде

³²⁹) G. Baumert, цит. соч., S. 11.

³³⁰) De inst. div. litt. cap. 32, Migne t. 70 c. 1148: „ama lectionem Scripturarum, et carnis vitia non amabis“ (Hieron.).

всего общую христіански-просвѣтительную задачу, то восточно-сирійская и въ особенности латинская преслѣдовали главнымъ образомъ практическія профессиональныя цѣли. Въ то время, какъ греческая школа стремилась обнять всѣ общеобразовательныя науки, имѣвшія отношеніе къ богословію, и въ особенности философію, восточно-сирійская школа ихъ совсѣмъ устранила, а западная ограничивала изученіе ихъ *minimum*'омъ, разсматривая ихъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія краснорѣчія. Въ области богословія всѣ школы сосредоточивались прежде всего на толкованіи Св. Писанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждой изъ нихъ была своя особая, излюбленная богословская область, которая изучалась съ особеннымъ усердіемъ: въ греческой школѣ—систематическія богословскія науки, въ восточно-сирійской — историко-грамматическій *экзегесисъ*, въ латинской—церковное краснорѣчіе.

Если изъ этихъ историческихъ наблюденій позволено будетъ сдѣлать заключеніе къ настоящему времени и случаю, то оно будетъ состоять въ слѣдующемъ: наша высшая духовная школа, утверждаясь на незыблемомъ основаніи православной вѣры въ содержаніи преподаваемого ученія, во всемъ остальномъ имѣетъ право и должна быть школою національною и основываться на своихъ школьныхъ преданіяхъ.

А. Дьяконовъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru